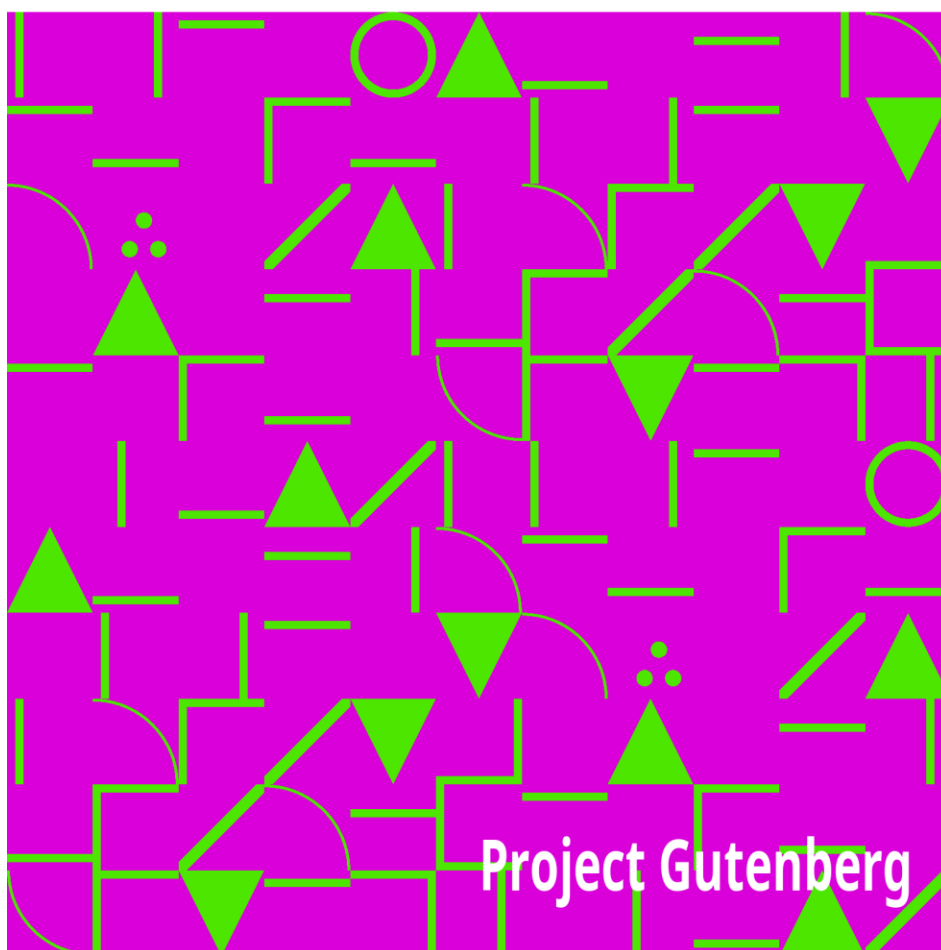

Военный вождь шести наций. Хроника Джозефа Бранта

Луи Обри Вуд

The War Chief of the Six Nations: A Chronicle of Joseph Brant

Louis Aubrey Wood et al.

Электронная книга проекта "Гутенберг" о военачальнике шести наций: Хроника Джозефа Бранта

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Военный вождь шести наций: Хроника Джозефа Бранта

Автор: Луи Обри Вуд

Редактор: Х. Х. Лэнгтон

Джордж Маккиннон ошибается

Дата выхода: 5 ноября 2005 г. [Электронная книга № 17014]

Последнее обновление: 12 декабря 2020 г.

Язык: Английский

Оригинальная публикация: toronto: s.n., 1915

Титры: Этот текст был подготовлен Гарднером Бьюкененом

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ВОЕНАЧАЛЬНИК ШЕСТИ НАЦИЙ:
ХРОНИКА ДЖОЗЕФА БРАНТА" ***

Этот текст был подготовлен Гарднером Бьюкененом.

ХРОНИКИ КАНАДЫ

Под редакцией Джорджа М. Вайна и Х. Х. Лэнгтона

В тридцати двух томах

Том 16

ВОЕННЫЙ ВОЖДЬ ШЕСТИ НАЦИЙ

Хроника Джозефа Бранта

ЛУИ ОБРИ Вуд

ТОРОНТО, 1915

Содержание

I. МОЛОДОЙ ИРОКЕЗ II. БИТВА При ЛЕЙК-ДЖОРДЖ III. ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ И ПОСЛЕ IV. ПУТИ РАСХОДЯТСЯ V. ЧЕРЕЗ МОРЕ VI. БРАНТ ВСТРЕЧАЕТ ХЕРКИМЕРА VII. ФОРТ СТЭНВИКС И ОРИСКАНИ VIII. БОИ НА ГРАНИЦЕ IX. ВИШНЕВАЯ ДОЛИНА X. МИНИСИНК И РЕКА ЧЕМУНГ XI. ЧЕРЕЗ ГРАНИЦУ XII. ЕЩЕ РАЗ АНГЛИЯ XIII. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ ПЛЕМЕН XIV. ЗВОНИТ ЦЕРКОВНЫЙ КОЛОКОЛ XV. ШАТАЕТСЯ СОСНА БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

ГЛАВА I

МОЛОДОЙ ИРОКЕЗ

Группа охотников разбила лагерь на берегу реки Огайо. Листва колыхалась на ночном ветру, и серебристый свет луны мимолетными полосами пробегал по темным уголкам леса. От земли поднимался более красноватый отблеск. Высоко и сухо, были разведены костры, и пламя металось и изгибалось среди деревьев. В неестественном свете охотники сбились в группы, молча раздевая добычу или готовя оружие к завтрашней охоте. На заднем плане были женщины, двигавшиеся туда-сюда в пляшущих тенях. Одна из них низко склонилась над новорожденным младенцем, и когда она произнесла его имя в тишине вечера, оно слилось с музыкой верхушек деревьев.

"Тайенданегеа!" [Примечание: произносится как Тай-йен-да-най-гех.]

Название было взято из великой книги природы. Это было родовое имя ирокезов, означающее две деревянные палочки, соединенные вместе, знак силы; и женщина надеялась, что ее крошечный ребенок однажды станет доблестным человеком среди ирокезов. Могла ли она только знать, что ее желание должно было быть более чем осуществлено, ибо по силе ума и тела ему было суждено превзойти всех отпрысков своей расы.

Итак, летом 1742 года, в царствование короля Георга Второго, Тайенданегеа родился среди ирокезов на берегах реки Огайо. Для необразованного дикаря этот медлительный ручей был делом всей жизни, и он называл его "Прекрасной рекой". Долина Огайо в то время была излюбленным охотничьим угодьем индейских народов. Поскольку эта долина была богата дичью и удобна для проживания, она была ареной ожесточенных раздоров. Проблема господства на реке Огайо существовала давно. Целое столетие делавары, шауни, вайандоты и еще шесть народов боролись за эту территорию; племя противостояло племени, и вот, наконец, ответ был дан. Конфедерация ирокезов, или Шесть наций, [Примечание: ирокезы, кайюги, сенеки, онейды, онондаги и тускарорас.] те, чьи деревни располагались у реки Гудзон, сплоченные, решительные и мстительные, завоевали господство; от берегов Гудзона до владений чужеземца у озера Эри земли принадлежали им; и другие племена на востоке и западе, севере и юге платили им дань. Могавки были самыми могущественными из Шести народов; в конфедерации они были главными в совете; из их рядов избирался главный военный вождь, который командовал на поле битвы; они пожинали первые плоды охоты и были лидерами во всем.

Однако должно было пройти некоторое время, прежде чем Тайенданегеа смог понять, что он происходил из расы завоевателей. Тогда он был всего лишь простым индийским младенцем с вытаращенными карими глазами и черными, как вороново крыло, волосами. О матери, которая заботилась о нем, история практически ничего не знает. Возможно, она была ирокезкой, но в

этом ни в коем случае нельзя быть уверенной. Были даже намеки на то, что она происходила от западных индейцев и была девушкой из племени шауни, покинувшей вигвамы своего народа. Во всяком случае, мы можем быть уверены, что у нее были естественные инстинкты и порывы лесной матери; что она знала, где высоко растут липы и где коричнево-красные платаны густо растут на берегу ручья. Можно предположить, что, когда солнце поднималось высоко, она привязывала живописную, богато украшенную детскую рамку со своим мальчиком к какой-нибудь свисающей ветке, чтобы она раскачивалась на кожаном ремешке на прохладном ветерке. Мы можем представить ее мелодичный голос, поющий песню матери "Ва-Ва", мягкую колыбельную лесных полян. Глаза Тайенданеги моргают и дрожат; он забывает о парящем балдахине над головой и спит в своей лесной колыбели.

Охотничья экскурсия в Огайо наконец подошла к концу, и ирокезы отправились в свои жилища на дальнем северо-востоке. Вверх по широкой реке плыли самые сильные гребцы на каноэ из всех лесных народов, а Тайенданега уютно устроился на дне какого-то тонкого суденышка. Долгими и утомительными переходами тащила его мать с ребенком, свободно привязанным к ее плечам. Их путь лежал к озеру Эри, затем по протоптанной тропе к реке Мохок; и малыш впервые оказался среди плодородных кукурузных полей и странных Длинных Домов своего народа. В этот период могавки жили дальше всего к востоку от всех племен Шести наций. Их основные поселения находились вдоль реки Мохок на территории нынешнего штата Нью-Йорк, но они претендовали на власть над регионом, простиравшимся оттуда до Монреаля. У них было три поселения на Ирокезах, центральное из которых, называемое замком Канаджохари, было домом родителей Тайенданеги. Неподалеку жил знаменитый Уильям Джонсон, представитель Его Величества по делам индейцев в колонии Нью-Йорк, который несколько лет спустя стал единоличным руководителем "шести объединенных Наций, их союзников и иждивенцев".

Когда Тайенданега окреп, он начал резвиться с другими мальчишками деревни. Вместе с ними он последовал за женщинами к берегу реки, подбирая с песка блестящие камешки или наблюдая за пескочиками, резвящимися в лучах солнца. Вместе с ними, когда дни были долгими, он ползал по зарослям ежевики в поисках сочных ягод или бегал с жилистыми индейскими собаками в рожицы и заросли кустарника. Затем он научился плавать, ловить рыбу и бесшумно опускать весло в ручей. Как и любой краснокожий ребенок, Тайенданега с восхищением слушал истории, которые ему рассказывали. У могавков был кладень басен, и вскоре он стал сведущим в лесных преданиях. Возможно также, что он сидел рядом со своим морщинистым дедом, который был сахемом [Примечание: То, что Тайенданега был внуком одного из этих сахемов, удостоенных такой чести, явствует из информации, приведенной в статье, опубликованной в Лондонском журнале; от июля 1776 года. Предполагается, что материал для этого рассказа о нем был предоставлен известным писателем Джеймсом Босуэллом, с которым он был близок во время визита в Англию в том году.] или мелким королем Шести наций, и услышал, как старик рассказывал романтическую историю о своей поездке в Англию летом 1710 года, когда Анна была суверенной королевой; услышал, как пять сахемов в то время отправились в посольство от имени своего народа и были по-королевски приняты в лондонском сити; как, когда они проходили по улицам, маленькие дети толпились позади, восхищаясь их странным внешним видом; как пять сахемов в то время отправились в посольство от имени своего народа и были по-королевски приняты в лондонском сити; как, когда они проходили по улицам, маленькие дети толпились позади, восхищаясь их странным внешним видом; как во дворце они появились в черных, алых и золотых одеждах и были с радостью приняты королевой, которую они пообещали защищать от ее врагов; и как, посмотрев на марширующих солдат,

прокатившись на королевской барке и насладившись различными развлечениями, они вернулись в свою страну.

Существует некоторая неясность относительно личности отца Тайенданеги, но все сходится во мнении, что он был чистокровным ирокезом и вождем клана Волка. [Примечание:Ирокезы были разделены на три клана — Черепаху, Медведя и Волка.] Некоторые авторы говорят, что он носил английское имя Никус Брант. Другие говорят, что отец Тайенданеги умер, когда сын был еще младенцем, и что затем мать вышла замуж за индейца, известного англичанам как Брант. Постепенно, по мере того как Тайенданега смешивался с англичанами, он получил имя Джозеф и таким образом вошел в историю как Джозеф Брант; но получил ли он это имя от своего отца или от отчима, мы не можем сказать, да это и не имеет особого значения. Отныне мы будем знать его под английским именем.

В традициях долины Мохок рассказывается, как однажды в округе Трайон, в колонии Нью-Йорк, проводился полковой сбор, на котором присутствовал Уильям Джонсон. Среди толпы тех, кто вышел посмотреть достопримечательности, была Молли Брант, старшая сестра Джозефа, живая, обаятельная девушка шестнадцати лет. Во время маневров мимо проехал полевой офицер на резвом скакуне. Когда он проезжал мимо, Молли спросила, можно ли ей сесть сзади. Офицер, посчитав это шуткой, сказал, что она может. В одно мгновение она вскочила на круп. Конь умчался прочь, летая по полю. Молли крепко прижалась к офицеру, ее одеяло развевалось на ветру, а темные волосы развевались. Все разразилось весельем, и никто не наслаждался зрелищем больше, чем сам полковник Уильям Джонсон. В его сердце вспыхнуло пламя любви к Молли, и, будучи вдовцом, он забрал ее домой и сделал своей невестой по индийскому обычаю. В таком случае казалось бы вполне естественным, что суперинтендант заинтересовался карьерой брата Молли Джозефа. Поскольку молодой краснокожий происходил из королевского рода, можно было ожидать, что при таком преимуществе он достигнет чести и достоинства среди людей Длинного Дома. Было, однако, одно препятствие: хотя отец Джозефа был вождем, он не унаследовал высокого положения, поскольку у Шести народов существовал обычай передавать происхождение по материнской линии, а его мать, которая перевезла его через холмы и воды с берегов Огайо, была скромного происхождения. Следовательно, если Джозеф хотел возвыситься среди своих братьев, он должен был проложить свой собственный путь к величию. Только отвагой и мудростью он мог завоевать прочное место в сердцах своего народа. Рассказывая его историю, мы увидим, как он набрался сил и стал человеком могущественным и доблестным.

ГЛАВА II

БИТВА При ЛЕЙК - ДЖОРДЖ

Никто так не радовался свободной и непринужденной жизни на границе, как полковник Уильям Джонсон. Он был типичным колониальным патрульным, представителем короля и другом краснокожего. Индейцы безоговорочно доверяли ему. Он изучил их характер и хорошо знал их язык. Он вошел в их жизнь с полным сочувствием к их традициям и, как говорили, оказал на них такое влияние, какого никогда не оказывал ни один другой белый человек. Долгое время он жил в Форт-Джонсоне, трехэтажном каменном доме на левом берегу реки Мохок, а позже в Джонсон-Холле, более просторном особняке в нескольких милях к северу. Здесь всех приходящих щедро угощали, и путник встретил радушный прием, когда остановился полюбоваться цветами, росшими перед порталами. Внутри находилась целая свита слуг,

заботящихся о нуждах каждого. Когда на сердцах было грустно или время тянулось медленно, гном, принадлежащий к семье, играл веселую мелодию на своей скрипке, чтобы прогнать уныние из особняка дикой природы.

Однако в одном случае гостеприимство Джонсона перешло все границы. Это было в форте Джонсон в 1755 году, сразу после того, как он был произведен в генерал-майоры колониального ополчения. Французы из Канады уже совершали смелые посягательства на территорию, на которую претендовали англичане на севере и западе. Они воздвигли форт Дюкен на слиянии рек Аллегани и Мононгахела, где сейчас стоит великий город Питтсбург; они укрепили Ниагару; и теперь они бросали вызов всем английским колонистам между горами Аллегани и морем. Война в Европе еще не была объявлена, но жители Тринадцати колоний, страстно желавшие удержать власть Франции в Америке, спланировали серию ударов по врагу. Среди прочего, они решили, что следует предпринять попытку захватить французскую крепость Форт Фредерик в Краун-Пойнте на озере Шамплейн. Офицером, выбранным для командования экспедицией, которая должна была быть отправлена на это предприятие, был Уильям Джонсон, ныне генерал-майор колонии Нью-Йорк.

Джонсону сразу же пришло в голову, что его друзья-краснокожие могли бы помочь ему в этом предприятии; поэтому он как можно скорее разослал сообщения племенам, прося их собраться у его дома. Одиннадцать сотен голодных индейцев откликнулись на призыв. Они пришли со всех сторон, временно поселившись в его обширных владениях. Светлое и добродушное лицо Джонсона омрачилось, когда он посмотрел на множество гостей и увидел, что его запасы еды исчезают, а вся зелень, которая росла на его полях и лугах, вырывается. Но он переносил все это добродушно, потому что был полон решимости заручиться их поддержкой. Рассевшись на траве по отрядам, в соответствии со своими племенами, они слушали, как он обращался к ним и рассказывал об их обязанностях перед английской короной. С нарастающим красноречием он заявил, что они связаны в своей верности англичанам, как серебряной цепью. "Концы этой серебряной цепи, - добавил он, - закреплены в неподвижных горах настолько прочно, что руки ни одного смертельного врага не смогли бы сдвинуть ее с места". Затем, когда он приказал им выходить на поле боя, он держал в руках боевой пояс и с жаром воскликнул:

"Мой боевой котелок на огне; мое каноэ готово к спуску на воду; мое ружье заряжено; мой меч на боку; и мой топор наточен".

Маленький Абрахам, сахем нижней долины Могавк, взял у него пояс, Рыжая Голова, вождь племени онондага, ответил ему, сказав, что из каждого замка воины последуют за ним на север. Последовал военный танец, и большая часть Шести наций была готова к битве.

Несомненно, молодой Джозеф Брант находился в этой огромной аудитории, слушая речи старших. В то время ему было всего тринадцать лет, но дух тропы войны уже овладел им. Пылкие призывы генерал-майора, должно быть, сильно взволновали его, и вполне возможно, что этот юноша с юношеским телосложением и мальчишескими чертами лица получил здесь импульс, который часто поддерживал его в последующие годы на протяжении его долгой карьеры активной преданности делу Англии. Так случилось, что Джозефу вскоре предстояло поступить на действительную службу. 8 августа 1755 года экспедиция Джонсона покинула Олбани и неделю спустя прибыла к большому перевалочному пункту между Гудзоном и озером Сент-Сакремент, как тогда называлось озеро Джордж. В этом месте тем же летом был построен форт Лайман [Примечание: впоследствии названный форт Эдвард.]. Оттуда генерал-майор

отправился с пятнадцатью сотнями провинциалов и тремя сотнями индейцев в свое путешествие на север. Король Хендрик, вождь могавков, возглавлял соплеменников, и под его руководством несколько храбрецов впервые прошли испытания. Одним из них — мы можем представить себе безмерный восторг мальчика — был юный Джозеф Брант.

Достигнув озера Сент-Сакремент, Джонсон сделал привал и занял сильную позицию на берегу. Вскоре прибыло подкрепление под командованием генерала Финеаса Лаймана, его заместителя. Джонсон переименовал озеро. "Я дал ему, - говорит он, - название Лейк-Джордж не только в честь Его Величества, но и для утверждения его несомненного владычества здесь".

Тем временем барон Дискау, командующий французскими войсками, высадившись в Саут-Бэй, южной оконечности озера Шамплейн, продвигался через лес. Его армия состояла из большого числа франко-канадцев, индейцев и регулярных солдат полков Ла Рейн и Лангедока. Он двинулся маршем через Вуд-Крик и намеревался предпринять энергичную атаку на форт Лайман. Но когда он прибыл в точку примерно на полпути между фортом Лайман и лагерем Джонсона на озере Джордж, его индейцы стали неуправляемыми, заявив, что они не пойдут дальше на юг и не рискнут покинуть землю, принадлежащую Франции. Дискау ничего не оставалось, как изменить свои планы. Свернув в северо-западном направлении, он выехал на новую дорогу, проложенную Джонсоном к озеру. Он последовал за этим, намереваясь обрушиться на английские войска, где бы он их ни обнаружил.

Разведчики Джонсона, рыскавшие на юге, обнаружили это движение. Вернувшись в лагерь, они принесли известие о приближении Дискау, и английский предводитель немедленно приготовился защищать свою позицию. Были срублены деревья; подогнаны повозки и бэтээры; поперек недавно проложенной дороги был возведен мощный бруствер; пушки были установлены так, чтобы вести огонь по наступающему врагу. Затем состоялось обсуждение целесообразности вылазки против врага. Было высказано предположение, что пятисот человек будет достаточно, но при упоминании этого числа вмешался король Хендрик, индейский вождь. Что, в самом деле, могла сделать такая ничтожная горстка людей перед лицом надвигающихся французов?

"Если они должны сражаться, - сказал он, - их слишком мало; если их нужно убить, их слишком много".

Ранним утром 8 сентября 1755 года отряд в тысячу двести человек выступил в путь только для того, чтобы убедиться в мудрости совета Хендрика. Дискау действовал осторожно, надеясь поймать англичан в ловушку. Он послал в атаку отряды индейцев и канадцев, в то время как его французские регулярные части составляли центр его сил. Когда англичане продвигались по дороге, они внезапно оказались атакованными противником с обеих сторон. Затем завязался ожесточенный бой, в котором люди Джонсона потерпели серьезное поражение. Лошадь короля Хендрика была подстрелена, и прежде чем он успел освободиться от седла, он был сражен ударом штыка. Теперь отступление стало необходимым, и непрерывным движением англичане отступили к своему лагерю. Там они решили занять решительную позицию. Дискау, ободренный успехом своего предыдущего наступления, повел свои войска к озеру в боевом порядке. Его продвижение, однако, было остановлено грубой баррикадой, сложенной поперек дороги, и к одиннадцати часам уже шло второе сражение за день.

Брант описал свои чувства, когда, будучи еще совсем мальчиком, он получил боевое крещение на этом поле битвы. Когда грохот мушкетных выстрелов донесся до его ушей, сердце его подпрыгнуло, и неопиcуемый страх, казалось, овладел им. Его конечности дрожали, и в отчаянии он искал что-нибудь, что могло бы поддержать его в этом испытании. Рядом росло стройное деревце, и он ухватился за него и цепко держался, пока пули со свистом проносились мимо. После нескольких залпов он вернул себе естественное самообладание и занял свое место рядом со старыми бойцами, которые стойко выдерживали яростную атаку. С этого момента он доблестно проявил себя в битве и, несмотря на свою молодость, исполнил свое желание "поддержать репутацию храброго человека, в отношении которого он был чрезвычайно честолюбив".

Наконец французские войска начали отступать под ударами английских пушек. Дискау получил тяжелое ранение, и пыл его сторонников заметно остыл. В четыре часа английский генерал решил, что настал подходящий момент для вылазки, и его люди перелезли через вал и обратили французов в бегство во всех направлениях. Раненый Дискау был взят в плен и доставлен в лагерь своего врага. Нога Джонсона была пробита пулей, и в таком состоянии его отнесли в его палатку.

Пока оба генерала беспомощно лежали на своих носилках, в палатку вошли несколько краснокожих и хмуро уставились на лежащего Дискау. "Эти ребята смотрели на меня взглядом, не выражающим особого сострадания", - сказал французский командующий. - Все, что угодно! - ответил Джонсон. - Потому что они хотели вынудить меня передать вас в их руки, чтобы сжечь в отместку за смерть их товарищей и вождей, павших в битве. Затем он добавил: "Не беспокойтесь, со мной вы в безопасности".

Это происшествие на озере Джордж было лишь первым сражением в Семилетней войне между Францией и Англией, которая велась на трех континентах и завершилась в Америке падением Монреаля в 1760 году. За свою победу над Дискау Уильям Джонсон был произведен в баронеты и, таким образом, стал сэром Уильямом Джонсоном. Он продолжал предлагать свои услуги до окончания войны; и во время памятной кампании 1759 года, когда Вулф и Амхерст действовали на востоке, его послали вместе с бригадным генералом Придо осуществить, по возможности, захват форта Ниагара. Экспедиция поднялась на Могавк в июне, переправилась в Освего, а оттуда последовала вдоль южного берега озера Онтарио к месту назначения. Французский форт стоял в устье Ниагары, там, где она впадает в озеро Онтарио, и находился под командованием капитана Пучо. Как только этот офицер услышал о приближении англичан, он послал в Прескиль и другие пункты на западе с просьбой как можно скорее направить подкрепление на помощь ему.

Английская инвестиционная армия состояла из двух тысяч трехсот регулярных войск и провинциалов, а также девятистот индейцев из племен Шести наций. В самом начале Придо был случайно убит преждевременным разрывом снаряда из рогожи, и Джонсону пришлось принять командование. Действуя энергично, он продолжал осаду до 24 июля, когда стрельба вдалеке возвестила, что помощь осажденным скоро будет под рукой. Джонсон сразу же отобрал треть своих людей и двинулся навстречу сменяющему отряду, который возглавлял капитан Д'Обри и состоял из тысячи ста французов и нескольких сотен краснокожих из западных племен. Последовавший конфликт был коротким, но отчаянным. Шесть наций, размещенных на флангах английской линии, доблестно сражались, и, во многом благодаря их доблести, французы были

разгромлены. В тот же день Пучо капитулировал. Благодаря этому успеху цепь французских фортов, протянувшаяся от реки Святого Лаврентия до Луизианы, была прорвана примерно посередине. Хотя деяния Бранта не были зафиксированы, достоверно установлено, что в этом случае он был с сэром Уильямом Джонсоном и что он вел себя с заметным отличием.

ГЛАВА III

В ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ И ПОСЛЕ

Несмотря на бурю и напряжение этих кампаний, взгляды могавков были прикованы к Джозефу Бранту. Они многого ожидали от него, и он искренне пытался оправдать их надежды. Еще будучи подростком, он уже был закаленным воином, "сражавшимся со Смертью и притупившим свой меч". Ирокезы были довольны. Пусть еще несколько осенних сезонов устилают лесной ковер, и они обретут в нем храброго и решительного лидера, достойного их традиций. Джозеф, с другой стороны, был недоволен. Он жил и общался с белыми людьми и познал величие, которого нельзя было достичь, следуя путем войны. Он владел томагавком; он разбил лагерь среди вооруженных людей на поле битвы; теперь ему не терпелось попасть в классную комнату. Он хотел расширить свои знания и увидеть огромный мир, лежащий за пределами грубых убежищ краснокожих.

Джозеф был в таком настроении, когда в Форт Джонсон приехал индеец с очень английским именем Дэвид Фаулер. Фаулер находился в долгом путешествии от своего дома у моря и ехал верхом. По его словам, ему есть что рассказать, что имеет значение для индийского народа. В Лебаноне, в колонии Коннектикут, было учебное заведение для любого молодого краснокожего, который мог приехать, и доктор Элеазар Уилок, его директор, послал его набрать рекрутов. Обращаясь к сэру Уильяму Джонсону, он спросил его, есть ли среди индейцев Шести наций какие-нибудь мальчики, которых он хотел бы отправить в школу.

Сэр Уильям не замедлил с действиями. Джозеф Брант, гордость замка Канаджохари, жаждущий знаний, несомненно, должен уйти. Двое других мальчиков, по имени Негьес и Центровой, были выбраны сопровождать его. Это были "три мальчика", как впоследствии писал доктор Уилок, "которые были готовы покинуть своих друзей и страну и приехать к незнакомцам с другим языком и совершенно другим образом жизни, и где, возможно, никто из их нации, жившей тогда, никогда не был".

Поездка в Коннектикут была совершена в 1761 году, и ребята прибыли в Ливан примерно в середине лета. Они вовсе не были уверены, что школа придется им по вкусу, и планировали, если таковое окажется, поспешно улететь обратно в долину Мохок на лошадях, которых они привезли с собой. Негьес и Сентер выглядели довольно удрученными, когда предстали перед доктором Уилоком: "Двое из них, - говорит он, - были почти голыми". Брант, однако, произвел хорошее впечатление. "Другой, происходивший из знатной семьи, был прилично одет по индийской моде и мог сказать несколько слов по-английски".

Школа содержалась благодаря ряду доброжелательных людей, которые щедро пополняли ее фонды. Сэр Уильям Джонсон был готов внести свою лепту в это доброе дело, и примерно через четыре с половиной месяца после прибытия мальчиков-ирокезов он написал директору: "Я не откажусь внести свою лепту". Дом для проведения занятий и два акра земли были предоставлены фермером по имени Джошуа Мур; поэтому учреждение обычно называлось Индийской благотворительной школой Мура. Директор школы, доктор Уилок, был человеком

широкой эрудиции и позже стал основателем учебного заведения в Нью-Гэмпшире, ныне известного как Дартмутский колледж.

Но мало что известно о курсе обучения Джозефа в школе Мура. Когда он поступил туда, его знания, должно быть, были очень скудны, и, будучи молодым человеком, он начал постигать вещи, которым обычно обучают простого ребенка. Вполне вероятно, что теперь он стал гораздо более свободно, чем раньше, говорить по-английски. С самого начала его успехи были очень быстрыми, и доктор Уилок не скупится на похвалы, которыми он его одаривает: "Джозеф действительно превосходный юноша", - таков был его комментарий. "Он очень понравился мне, а также своему хозяину и всем остальным своим хорошим поведением".

Мастером, о котором здесь говорится, был Чарльз Джеффри Смит, молодой человек с большими средствами, пожелавший быть полезным индейцам. Он пришел в школу после приезда Джозефа и помогал директору в проведении инструктажа. Очень скоро он заметил, что среди двадцати пяти учеников, находившихся на его попечении, Джозеф проявил незаурядный интеллект. Намереваясь совершить миссионерское путешествие среди индейских племен, он предложил взять с собой своего юного ученика в качестве переводчика. В письме сэру Уильяму Джонсону по этому поводу он отзывался о Джозефе в самых восторженных выражениях: "Поскольку он многообещающий юноша с яркой одаренностью, исключительной скромностью и серьезным складом ума, я не знаю никого, кто бы так хорошо отвечал моим требованиям, как он".

Джозеф с печальными предчувствиями подумывал о том, чтобы повернуться спиной к школе, в которой он проучился всего два года; но Смит пообещал продолжать быть его учителем, когда они вместе будут в стране индейцев, и платить ему кое-что за его работу переводчика. Это понравилось молодому краснокожему. Оказалось, что его школьные годы в любом случае закончились, потому что его соплеменники завидовали его длительному пребыванию в жилище незнакомца, и он получил сообщение, призывающее его вернуться в замок Канаджохари.

В июне месяце 1763 года учитель и ученик отправились в путь вместе, но, по воле судьбы, поискам Смита среди племен суждено было быстро закончиться. Едва он начал свое паломничество, как обнаружил индейцев в диком смятении. И снова топор войны был выкопан, и ради безопасности ему пришлось резко завершить свою миссию.

Понтиак, великий вождь оттавцев, поднял знамя восстания против английского владычества. Это было последствием только что завершившейся борьбы с Францией, которая началась, когда западные индейцы увидели, что на их земли пришла другая раса бледнолицых. С мастерством и ловкостью Понтиак объединил многие племена в сильную наступательную лигу. Он заявил, что, если они последуют за ним, он вышибет ноги незваных гостей с территории краснокожих. В мае 1763 года произошло восстание дикарей. В мгновение ока восемь английских постов в глубине страны пали перед дикарями. Форт Лигонье и Форт Питт, [Примечание: бывший форт Дюкен.] в верховьях Огайо, и форт Детройт на западе, были единственными уцелевшими из всех атакованных мест, и Детройт был осажден Понтиаком с тридцатью шестью вождями за его спиной. Призыв к оружию для защиты был срочным. Часть Шести наций присоединилась к своим старым союзникам, англичанам, и среди ушедших воинов был Джозеф Брант. "Джозеф задержался, - рассказывают нам, - и вышел с отрядом против индейцев, и был полезен на войне, на которой он вел себя так подобающе христианину и солдату, что снискал большое уважение".

Отряд ирокезов был среди войск, которые пришли на помощь майору Глэдвину в его сопротивлении в форте Детройт в 1763 году, и вполне возможно, что Брант был в гуще сражения в этих окрестностях. Возможно также, что он был с полковником Буке в августе в битве при Буши-Ран, недалеко от форта Питт. В этом сражении, после двух дней напряженных боев в глуши, индейцы, наконец, были побеждены. Звезда Понтиака начала закатываться. Имея против себя безнадежные шансы, упрямый вождь оттавов продолжал борьбу до следующего года, но в конце концов он был вынужден просить мира.

Тем временем репутация Бранта среди его соплеменников неуклонно росла. Весной 1764 года, когда боевые действия подошли к концу, он вернулся в замок Канаджохари. Там он построил удобный дом, женился на дочери вождя племени онейда и несколько лет прожил в мире и покое. От этого, его первого, брака у него родились двое детей, Исаак и Кристиана. Мы можем быстро перечислить эти спокойные годы жизни Бранта. Он выполнял свои домашние обязанности, как подобает мужчине; и сэр Уильям Джонсон, найдя его заслуживающим доверия, постоянно поручал ему работу и посылал его со многими важными миссиями к индейцам, даже к далеким племенам запада. В этот период Брант стал прихожанином англиканской церкви и, хорошо зная, какие трудности пришлось пережить миссионерам, оказывал им посильную помощь в их работе среди краснокожих. Он помогал преподобному Джону Стюарту, миссионеру своего племени, а впоследствии выдающемуся священнослужителю в Верхней Канаде, в его переводе Деяний Апостолов, истории Библии и кратком объяснении Катехизиса на диалекте могавков. Рассказывают, что запоздалый миссионер, со стертymi ногами и усталый, однажды дополз до жилища Бранта, где его накормили и позаботились о его болезни. "Джозеф Брант, - с благодарностью написал миссионер, - чрезвычайно добр".

Хорошо, что человек с рассудительным умом и бесстрашным сердцем выдвинулся на первый план среди народа ирокезов. На горизонте начало собираться облако; скоро должны были раздаться звуки приближающейся бури. Как обстоят дела у Шести наций в день потрясений?

ГЛАВА IV

ПУТИ РАСХОДЯТСЯ

После счастливого окончания войны с Францией в 1763 году английским колониям в Америке почти ничего не мешало, за исключением недовольных краснокожих за горами Аллегани. Колонии становились больше; они вели больше бизнеса и собирали больше богатств. Но по мере того, как они процветали, они становились уверенными в себе и, почти не имея врагов дома, оказались втянутыми в ссору с родиной по ту сторону моря. Англия, по их словам, несправедливо облагала их налогами и размещала солдат в их главных городах для выполнения своей воли. Они ни в коем случае не были расположены подчиняться. Еще в 1770 году толпа в Бостоне напала на английскую гвардию и навлекла на себя ее огонь, что вызвало кровопролитие на улицах города. Это было прелюдией Американской революции. Во время шторма наступило короткое затишье. Но поскольку Британия по-прежнему настаивала на праве взимать налоги с колоний и проверкой своего права считала обман в отношении чая, повстанцы в Бостоне приняли вызов и разгорелись до насилия; они ворвались на судно с чаем, вошедшее в бухту, вытащили пакеты из трюма и бросили их в воды гавани. Когда известие об этом акте насилия достигло Англии, парламент принял законопроект, предусматривающий закрытие Бостонского порта и перенос резиденции правительства в Салем. В 1774 году генерал Гейдж,

недавно назначенный губернатором Массачусетса, передал колонию под военное управление, и она была отрезана от остальной части страны. Таким образом, был дан сигнал к восстанию, и вскоре последовала всеобщая революция.

Колонисты немедленно разделились на две партии; с одной стороны, были те, кто чувствовал, что они должны подчиниться тому, что они считали призывом к свободе; с другой стороны, были те, кто не имел желаний и не чувствовал необходимости следовать призыву к восстанию против Его Величества короля. Краснокожий начал ясно понимать, что белые, "Длинные ножи", братья одной расы, скоро вцепятся друг другу в глотки и что они, туземцы, не смогут сохранять нейтралитет, когда разразится война.

В эти тревожные дни сэр Уильям Джонсон скончался, едва достигнув шестидесятилетнего возраста. Он видел, что грядет разрыв с родиной, и эта перспектива была едва ли не больше, чем он мог вынести. В самый день своей смерти он получил депеши из Англии, которые, вероятно, ускорили его кончину. Ему было сообщено за королевской печатью о великой опасности, которая грозит всему королевскому народу, и его настоятельно призвали сохранять твердость Шести наций в их верности короне. В то утро, 11 июля 1774 года, умирающий созвал индейцев на совет и произнес то, что должно было стать его прощальными словами к племенам. Они должны, сказал он, стоять рядом с королем, неустрашимые и непоколебимые при любом испытании. Несколько часов спустя доблестный сэр Уильям Джонсон, друг всех сынов леса, проводник и помощник Джозефа Бранта, испустил свой последний вздох. Его поместья и титулы унаследовал его сын Джон Джонсон, который также был произведен в чин генерал-майора армии. Контроль над делами Индии перешел в руки его зятя, полковника Гая Джонсона, способного человека, но менее популярного и нуждавшегося в широких симпатиях великого суперинтенданта. Брант сразу же был назначен секретарем Гая Джонсона, и на этих двух людей теперь легла работа сэра Уильяма по общению с индейцами. Их задача, возложенная на них их королем, состояла в том, чтобы сохранить верность Шести народов его делу в тот час, когда томагавк покинет свой пояс и военные костры снова будут угрюмо мерцать в глубине леса.

Джозеф Брант взялся за эту работу с неугомонной энергией. Он больше не был тем юношей, который уехал на Запад, чтобы помочь усмирить гордость Pontiac. Прошло десять лет, и теперь он был зрелым человеком с постоянно расширяющимся кругозором. Некоторое время спустя он достиг положения среди своих соплеменников, которого давно желал. Могавки признали в нем одного из своих вождей. Эту честь он заслужил не по праву рождения, а по заслугам, и по этой причине был известен как "Вождь сосен". Подобно сосне, высокой и сильной, выделяющейся среди деревьев леса, он занял главенствующее положение в народе могавков. Правда, он был вождем только по дару своего племени, но, тем не менее, к нему, похоже, относились с таким же уважением и доверием, как к наследственным вождям. Он радовался своему новому отличию. Впереди были тяжелые дни, и теперь он был в состоянии эффективно работать на благо своего народа и Британии, когда разразится неизбежная война. Его ожидала еще большая честь. Когда была объявлена война, он сразу же стал признанным военным лидером Шести наций - Военным вождем. Наследственным преемником короля Хендрика, убитого на озере Джордж в 1755 году, был Литтл Абрахам; но Литтл Абрахам, по-видимому, пожелал сохранить нейтралитет в надвигающейся борьбе, и по общему согласию Брант принял на себя руководство ирокезами в войне.

Две вещи благоприятствовали Бранту в любом обращении, которое он мог бы сделать в интересах Британии к лояльности Шести наций. Более ста лет они отбирали у колониальных агентов, представлявших корону, пояса вампума в знак договорных обязательств. С королем были заключены договоры; слово красного человека было передано королю. Обещания, данные им королевскими агентами, всегда выполнялись. Почему же тогда они должны теперь доверять свою веру кому-либо другому, кроме своего Великого Отца, Короля, который жил далеко за водами? Кроме того, недавние действия колонистов разожгли негодование индейцев до неистовства. В 1774 году несколько колониальных землепроходцев прочесывали страну шауни. Без какой-либо реальной причины они напали на нескольких краснокожих и бесчеловечно зарезали нескольких. Не удовлетворившись этим актом жестокости, они схватили двух храбрых вождей, Белоголового Орлана и Серебряные Пятки, и хладнокровно убили их. Это вызвало гнев индейцев, и они сплотились под знаменем благородного Логана, "вождя минго" шауни. Против него виргинцы послали большие силы численностью более двух тысяч человек. Ожесточенное сражение произошло на Великой реке Канава, в том месте, где этот ручей впадает в Огайо. Какое-то время Логан, его союзник-индеец Кукурузный Стебель и их последователи отчаянно сражались, но в конце концов они были вынуждены бежать через Огайо. Эта война, действительно, была короткой, но она не имела справедливого оправдания, и индейцы не могли забыть совершенного насилия. Воспоминание об этом терзало Шесть Наций, особенно кайюгу, с которыми Логан был связан кровными узами.

В то время как Джозеф делал все возможное, чтобы сохранить лояльность индейцев, и следил за теми, кто замыслил лишить их верности короне, сэр Джон Джонсон все больше беспокоился за свою собственную жизнь. Его страх быть убитым или похищенным был настолько велик, что он увеличил свою личную охрану до пятисот человек. В то же время он расставил вокруг своего дома поворотные ружья, чтобы противостоять внезапному нападению. Он энергично организовал поселенцев в своих владениях в защитную силу. В частности, лоялисты Хайленда в его округе пришли ему на помощь, и вскоре сто пятьдесят мускулистых членов клана были готовы выступить на поле боя по первому требованию.

Но Шесть наций отнюдь не были едины в своей верности короне. Брант увидел, что наиболее колеблющимся в своей поддержке племенем были онейды. Он обнаружил, что их миссионер Сэмюэл Кирклэнд был в сговоре с повстанцами, и добивался смещения этого священнослужителя. Потерпев неудачу в этом, он написал вождям племени Онейда, призывая их сохранять верность королю. Письмо, которое бегун из племени Онейда уронил в это время на тропе индейцев, является самым ранним почерком, дошедшим до нас из-под пера Джозефа Бранта. В нем он предостерегает Oneidas от тонкой работы, которую вели колонисты. "Гай Джонсон очень боится попасть в плен к бостонцам", - говорит он. - Мы, ирокезы, обязаны постоянно следить за ним. Гай Джонсон уверен в себе и рассчитывает на то, что вы придете ему на помощь.... Он не верит, что вы позволите ему страдать."Однако, похоже, что обращенный таким образом призыв не вызвал особого отклика у Онейд, и Брант получил отказ. Еще до этого они написали письмо губернатору Коннектикута, в котором прямо выразили свое желание сохранять нейтралитет, когда начнутся военные действия. "Мы не можем вмешиваться в этот спор между двумя братьями", - таково было их решение. "Ссора кажется неестественной". Онейды имели право на свое мнение, но их поведение, должно быть, задело сердце вождя могавков. И все же ни на мгновение его мужество не покидало его. Он знал, что большинство Шести наций были готовы отдать всю свою жизнь на службе королю. Он и они будут верны

старому и обязательному для исполнения договору, который их предки заключили как союзники короны. - Нам не годится нарушать его, - сказал Брант. - пусть будет, что с нами будет.

В колониях надвигалась гражданская война. Битва при Лексингтоне уже состоялась, и вся страна переводила дух перед началом конфликта. Гай Джонсон и Брант ждали, чтобы заявить о себе, и время для этого почти настало. Первый шаг был сделан сразу после того, как вожди племени ирокезов были созваны на совет в парке Гая, [Примечание: "Прекрасное место прямо на берегу реки Ирокез. Элегантный каменный особняк все еще [1865] находится на территории, что является лучшим свидетельством основательной застройки". — Уильям Л. Стоун, *Жизнь Джозефа Бранта*, том i, стр. 71.] примерно в конце мая. Секретные приказы исходили от генерала Гейджа, и Джонсон точно знал, какого курса от него ожидают. Оставив свой дом на произвол судьбы, он отправился на запад вместе с Брантом и отрядом индейцев и белых людей. На их первой важной остановке, в поместье Косби, было отправлено письмо, которое закрывало им путь. Затем, по-прежнему обратив лица к заходящему солнцу, верный отряд продолжил свой путь через темные лабиринты леса.

После утомительного путешествия партия лоялистов появилась среди густонаселенных западных деревень конфедерации ирокезов. Там, в Онтарио, к югу от озера с таким названием, состоялось великое собрание, и полторы тысячи воинов выслушали посланцев короля. В ответ вожди собравшейся толпы выразили готовность "помочь войскам его Величества в их операциях". Затем Джонсон и Брант отправились в Освигу, на берег озера, где их мольбу услышала еще большая группа людей. Джонсон приготовил для краснокожих обычное угощение и "пригласил их отведать бостонское блюдо". Индейцы заявили о своей готовности сражаться за короля. Затем, когда летние дни были долгими, флотилия каноэ, в которой находились многие из самых известных вождей Шести наций, отправилась на восток, в Монреаль, по сверкающим водам озера Онтарио. В одном из изящных суденышек стоял на коленях Джозеф Брант с веслом в руке, задумчивый и в то же время ликующий. Ему было всего тридцать три года, и все же благодаря проницательности в совете и храбрости на поле боя он уже занимал видное место среди вождей конфедерации. Более того, впереди были великие дни. Вскоре каноэ вошли в широкую реку Святого Лаврентия и быстро заскользили среди ее островков. Неуклонным движением они следовали за его величественным курсом, когда он приближался к морю.

ГЛАВА V

ЧЕРЕЗ МОРЕ

Еще до того, как село много солнц, эта компания смуглых воинов причалила на своих каноэ к берегу возле быстрых порогов, протекающих у Монреаля. Весть об их прибытии была с энтузиазмом воспринята офицерами, расквартированными в этом месте. Теперь, когда началась война, каждое дружеское пополнение в рядах британцев имело ценность. Сэр Гай Карлтон, губернатор Канады, был особенно рад появлению этих загорелых молодцов. Он высоко ценил способности индейцев к ведению пограничной войны, и их прибытие сейчас могло иметь большое значение, поскольку местное канадское ополчение не откликнулось на призыв к оружию. Французские сеньоры и духовенство благосклонно относились к делу короля, но жители в целом не были заинтересованы в войне, и регулярные войска Карлтона насчитывали всего восемьсот человек Седьмого и Двадцать Шестого полков.

Губернатор, не теряя времени, вызвал краснокожих на собеседование. Вождь Брант, по-видимому, был ведущим представителем индейцев в этом случае, и пара фраз из речи Карлтона были сохранены самим Брантом. "Я призываю вас, - такова была искренняя просьба Карлтона к индейцам, - продолжать служить королю и не нарушать торжественного соглашения, заключенного вашими предками, ибо ваше собственное благополучие тесно связано с тем, что вы остаетесь союзниками его Величества". В ответ индейцы еще раз подтвердили свои древние обещания. "Мы признали, - сказал Брант, - что в конечном итоге для наших семей и для нас самих было бы лучше остаться под защитой короля, с какими бы трудностями нам ни пришлось столкнуться".

Чтобы он мог должным образом служить армии, Брант был подчинен военной дисциплине и получил звание капитана королевских вооруженных сил. Он был в Монреале, когда Итан Аллен, колониальный авантюрист, предпринял несанкционированную попытку (24 сентября 1775 г.) заставить город врасплох и захватить его. Карлтон был проинформирован о проекте Аллена; план провалился, и Аллен вместе с другими членами своей группы был отправлен в Англию в качестве военнопленного. Тем временем генерал Монтомери наступал с юга и в сентябре осадил форт Сент-Джон, английскую крепость на реке Ришелье. Этот пост стойко оборонялся майором Престоном с отрядом регулярных войск до тех пор, пока форт Чамбли, расположенный неподалеку, не попал в руки врага, и дальнейшее сопротивление было бесполезно. Использовались ли услуги Бранта в любом из этих фортов или около них, установить невозможно, но мы знаем, что он покинул окрестности и направлялся в Англию до капитуляции Монреаля 17 ноября.

Визит Бранта в Монреаль, без сомнения, оказал важное влияние на его карьеру. Возможно, это был первый раз, когда он увидел морской порт. [Примечание: Считается возможным, что он спустился по реке Святого Лаврентия до Монреаля вместе с сэром Уильямом Джонсоном в 1760 году.] В то время в Монреале проживало около пяти или шести тысяч человек, и он был городом-крепостью, приобретающим растущее коммерческое значение. В нем было несколько просторных религиозных домов, несколько больших, хорошо построенных церквей и ряд красивых резиденций. Стоя на берегу реки, Брант видел множество плавучих судов, плывущих по течению: корабли торговцев мехом, груженные шкурами; транспорты, прибывающие и отплывающие с продовольствием для гарнизонов или новыми людьми для службы; военные шлюпы, стоящие на якоре с полным вооружением, мрачные и угрожающие.

Все это железной рукой повлияло на творческую натуру вождя племени ирокезов. Дух романтики пылал в нем, и у него было удивительное желание увидеть земли, лежащие за океаном. Он поплывет в открытое море; он предстанет перед Великим Королем. Как прекрасна была эта земля, называемая Англией! и какими могущественными были ее армия и флот! Несомненно, Гай Джонсон и другие офицеры в Монреале подбадривали Бранта предпринять путешествие, которое он охотно совершил бы. Возможно, именно они первыми показали ему, как возможно такое путешествие. Во всяком случае, еще до того, как лед начал сковывать зеленые воды реки Святого Лаврентия, в 1775 году, он прошел через залив и качался на волнах глубокой Атлантики. Ближе к концу года он прибыл вместе с капитаном Тайсом в английскую столицу. Лондон сильно изменился со времен королевы Анны, более полувека назад, когда там жил его дед. Он превратился в большой рынок для торговли, и простые люди прокладывали себе путь в те районы, где когда-то стояли только прекрасные жилые дома. Два короля из

Ганноверского дома тем временем правили и умерли, и теперь на трон взошел король Георг III, еще один представитель этой линии.

По прибытии в Лондон чифа Бранта сопровождали в небольшую гостиницу не очень внушительного вида под названием "Лебедь с двумя шеями". Предполагалось, что вскоре его переведут в другое жилье, которое больше соответствовало бы его рангу; но хозяин гостиницы и другие были так добры к нему, что он не хотел уезжать, и его нельзя было уговорить переехать в другое жилье за все время его пребывания в Лондоне. На улицах он привык одеваться как тогдашние европейцы, но на государственных мероприятиях он надевал парадный костюм, его голову венчали развевающиеся перья, а тело украшали те причудливые украшения, которые нравились гордому индейцу. На полированном томагавке, поблескивавшем у него за поясом, была начертана буква "J", за которой следовал его индийский титул "Тайенданегеа".

Брант явился ко двору и имел аудиенцию у короля, к персоне которого испытывал священное почтение. Он любил свободу, но в то же время всегда испытывал большое уважение к авторитетам. Рассказывают историю о резком ответе, который он дал своему старому инструктору, доктору Уилоку, который, думая привлечь Бранта на сторону колонистов или, по крайней мере, сохранить его нейтралитет, написал ему длинное и серьезное обращение. Вождь племени ирокезов ответил по-доброму, сославшись на приятные часы, проведенные им в школе. Особенно ему запомнились молитвы, которые произносились в доме, и одна молитва, в частности, которая повторялась снова и снова; когда они склоняли головы в мольбе перед Создателем всего сущего, просьба всегда заключалась в том, "чтобы они могли жить как хорошие подданные, бояться Бога и чтить короля".

Не только высокопоставленные чиновники Лондона относились к Бранту с уважением, но и люди образованные, а также занимавшие высокое общественное положение, наперебой старались сделать его визит интересным и приятным. Среди тех, кто развлекал его, был Джеймс Босуэлл, который знал все сплетни лондонского общества и был человеком редких талантов. Ему особенно понравился загорелый вождь Шести наций, и он убедил его позировать для своего портрета. Граф Уорик также пожелал заполучить картину Бранта, и в результате он позировал Джорджу Ромни, одному из самых известных художников того времени. Этот портрет, вероятно, был написан в доме художника на Кавендиш-сквер, и мы можем принять его за хорошее сходство с Брантом в том виде, в каком он выглядел в то время. Крепко сложенная фигура вождя стоит с поднятой головой в состоянии покоя. Глаза мягкие и широко посаженные, на губах играет улыбка. На портрете мы также видим решительное сердце, вдумчивый ум и неугомонную энергию, которые сделали Джозефа Бранта правителем коренных народов.

Когда его спросили, какую помощь он мог бы оказать английскому оружию в Новом Свете, Брант решительно заявил, что он и его люди верны ему. Он сказал, что как военачальник поведет в бой три тысячи своих воинов и что они будут мужественно сражаться как подданные короля. Он прекрасно понимал, насколько отчаянным будет соревнование, и, желая иметь при себе какой-нибудь предмет, который позволил бы опознать его в случае смерти, купил у лондонского ювелира кольцо, на котором было выгравировано его полное имя. Это он носил на протяжении многих долгих лет.

До конца зимы Бранту не терпелось вернуться к своим племенам, ибо он знал, что вигвам, когда крутится топор войны, ему больше подходит, чем лондонские дворцы. Соответственно, весной 1776 года он отправился в свой западный дом.

ГЛАВА VI

БРАНТ ВСТРЕЧАЕТ ХЕРКИМЕРА

Когда корабль, пассажиром которого был Брант, коснулся берегов Америки, его тайно высадили где-то недалеко от Нью-Йорка. Теперь он оказался лицом к лицу с трудностью связаться со своими друзьями — задача, которая потребовала от него всей бдительности. Он находился во враждебной стране, далеко от лесов долины Мохок, раскинувшихся над Олбани. Но он был хитрым краснокожим, слишком умным, чтобы его можно было поймать, и, ловко избежав многих опасностей, в конце концов добрался до пограничной страны и благополучно переправился в Канаду.

В июле 1776 года, за несколько недель до его прибытия, колонисты провозгласили свою независимость. Язык Декларации независимости был уверенным, но вскоре после того, как она была произнесена, колонисты потерпели серию поражений. Арнольд был разбит Карлтоном на озере Шамплейн, и Вашингтон был вынужден отступать до тех пор, пока не пересек реку Делавэр. Было сказано, что Брант принимал участие в битве при Кедрах, где на северном берегу реки Святого Лаврентия капитан Форстер одолел отряд из четырехсот американцев; но это произошло в мае 1776 года, и поскольку корабль Бранта прибыл только в июле, он не мог быть одним из участников этого сражения. Чем занимался Брант в течение большей части года после своего прибытия в Канаду, не зафиксировано. Весной 1777 года мы снова можем напасть на его след. Пока армии готовились к очередной летней кампании, Брант снова вернулся к своим старым пристанищам недалеко от границы с колонией Нью-Йорк, заняв позицию в местечке под названием Окуага на реке Саскуэханна, к югу от долины Мохок. Это было излюбленным местом отдыха индейцев, и Брант прекрасно понимал, что с этого момента он может с выгодой для себя вести партизанскую войну против повстанцев и сочувствующих им.

Его приход вызвал дрожь ужаса во всех соседних поселениях. До сих пор эта часть колонии была удалена от главного театра военных действий, но теперь, когда Брант был там, в любой момент могло начаться нападение, и жители начали готовить свои оборонительные сооружения. Более конкретные меры по защите были приняты в Черри-Вэлли, богатой и плодородной местности, простирающейся вплоть до Могавка. Из-за своей прочности и расположения дом полковника Сэмюэля Кэмпбелла, одного из выдающихся фермеров долины, был выбран в качестве укрепленного поста, и вокруг него и двух прилегающих амбаров были сложены бревна и земля. Туда со всех сторон стекались люди, думая, что в любой момент вождь могавков может наброситься на них.

Брант действительно намеревался атаковать эту крепость, поскольку в ней находилось много ведущих повстанцев того района, но странный инцидент ввел его в заблуждение относительно силы этого места и заставил изменить свою цель. Для него не было обычным делом ошибаться в суждениях, но на этот раз он был введен в заблуждение — одурачен — очень простым способом. Как мудрый командир, он отправился на разведку позиций противника и с небольшим отрядом двинулся в направлении дома Кэмпбелла. Отойдя примерно на милю, он спрятался за каким-то густым кустарником на гребне холма. Когда он взгляделся сквозь спутанную листву, ему ничего не было видно, и он разглядел то, что ему показалось батальоном войск, марширующим рядом с домом. Это было не что иное, как группа мальчишек с деревянными ружьями в руках, играющих в солдатиков и с большим ликованием разгуливающих по травянистой лужайке рядом с укрепленным домом; но они выступали так

хорошо, что Брант вообразил, что это солдаты, готовящиеся к действительной службе на войне. - Насколько я понимаю, полковник Кэмпбелл хорошо охраняет свой дом, - сказал он, поворачиваясь и обращаясь к своим последователям. Решив, что было бы глупо приближаться к этому месту со своим небольшим отрядом, Брант решил отступить и пошел по дороге, ведущей к реке Мохок. Тем же вечером, когда он со своими людьми затаился в засаде за большим валуном, к нему подъехали два всадника. Один был офицером по имени Вормвуд, другой - поселенцем. Не подозревая о засаде, они внезапно оказались в лапах врага. В этой борьбе лейтенант Вормвуд встретил свою смерть, к большому сожалению Бранта, поскольку до войны они были хорошими друзьями. После этого события вождь вернулся в Оквагу.

Шли недели, число его сторонников в Саскуэханне стремительно росло. Имя великого военачальника имело особое очарование, которое привлекало под его командование воинов со всех уголков леса. Неудивительно, что поселенцы становились все более и более встревоженными. В конце концов они решили попытаться договориться с ним о мире. Один из них, Николас Херкимер, решил отправиться в Саскуэханну и там побеседовать с самим шефом. Херкимер был гражданином, известным своей честностью, и получил звание бригадного генерала в армии провинции. Раньше, когда его дом находился в верхнем Могавке, он жил в трех милях от Бранта и хорошо знал его. Никогда не было сказано ничего, что указывало бы на то, что Херкимеру не хватало смелости. Но он был достаточно тщеславен, чтобы подумать, что несколько его слов могут ослабить непоколебимую лояльность Бранта. Более того, как и слишком многие жители пограничных районов его времени, он мало уважал индейскую расу и, как мы увидим, не стеснялся обращаться с ними с самым низким видом предательства. Можно сослаться на то, что он опасался двуличия со стороны вождя племени могавков, но это не полностью оправдывает его поведение.

Должным образом составив свои планы, Херкимер пригласил Бранта встретиться с ним в Унадилле, на реке Саскуэханна, выше Окуаги. Он прибыл в это место в июле месяце с тремя сотнями восьмьюдесятью ополченцами, но Бранту пришлось ждать неделю, прежде чем он появился. Тот факт, что он прибыл с таким многочисленным эскортом, вполне мог вызвать подозрения. Капитан Брант также прибыл с большим отрядом воинов, разбил свой лагерь на некотором расстоянии от американцев и послал гонца спросить генерала, почему тот удостоился чести этого визита. Херкимер ответил, что он просто хотел поговорить со своим братом Брантом, и это все. Гонец сказал, что доставит послание обратно, но сначала лукаво спросил, не хотят ли все эти люди поговорить и с Военным вождем. Перед отъездом посыльный Бранта дал понять, что колонистам не следует вторгаться на поле, простиравшееся до лагеря индейцев. Примерно на полпути между двумя сторонами теперь был возведен навес, достаточно большой, чтобы вместить двести человек. Было решено, что каждая сторона направит делегацию в этот зал, где будет проходить встреча. Однако ни в коем случае нельзя было привозить из лагерей какое-либо огнестрельное или иное оружие.

В назначенный день Херкимер первым добрался до места, в то время как Брант прибыл немного позже. Индейский вождь почуял опасность и был настороже. С ним были двое бледнолицых, вождь племени ирокезов, около двух десятков воинов и индианка. На таких переговорах было принято чертить на земле круг, и лидеры должны были стоять или сидеть внутри него. Херкимер и два офицера вошли в круг, в то время как Бранта сопровождал младший вождь. Брант все это время наблюдал за генералом, как ястреб, и снова спросил его, в чем смысл его визита. Херкимер повторил, что это было только ради хорошего общения.

- И все они тоже прибыли с дружеским визитом? - спросил капитан Брант. "Все хотят увидеть бедных индейцев, это очень любезно". Не тронутый иронией Бранта, Херкимер затем упомянул о проблемах между Англией и колониями и попытался разговорить Бранта. Вождь отвечал медленно и неразговорчиво, но наконец разразился недвусмысленной речью. Он сказал, что "индейцы были заодно с королем, как и их отцы; ... что генерал Херкимер и его последователи присоединились к бостонскому народу против его Суверена". Несмотря на все это, он не боялся результата и знал, "что, хотя жители Бостона были полны решимости, король все же смирит их".

Собрание разошлось не раньше, чем появились признаки надвигающегося насилия, но в конце концов лучшие чувства, казалось, возобладали, и они решили собраться снова на следующее утро.

Говорят, что за это время Херкимер разработал одну из самых гнусных схем, которые когда-либо выдвигались против человека его ранга. Он выбрал поселенца по имени Джозеф Ваггонер и трех других надежных людей в качестве своих сообщников. Эти люди должны были помочь ему в заговоре против жизни Бранта, который был просто попыткой убийства. Подробности заговора были изложены в признании, сделанном впоследствии Ваггонером. Когда стороны встанут в круг, четверо сообщников должны были последовать примеру Херкимера и без предупреждения расстрелять индейцев. Но Херкимер рассчитывал без своего хозяина. Джозеф Брант был слишком проницателен, чтобы очертя голову лезть в такую открытую ловушку. Очевидно, что он начал подозревать о намерениях своего противника. На следующее утро, выйдя в круг, он принял серьезный и исполненный достоинства вид. Обращаясь к Херкимеру, он произнес с суровым акцентом:

- Со мной пятьсот воинов, вооруженных и готовых к битве. Ты в моей власти; но поскольку мы были друзьями и соседями, я не стану злоупотреблять тобой.

Когда он закончил, из окружающего леса выступил большой отряд краснокожих, и боевой клич разорвал воздух. Опираясь на своих верных воинов, военачальник мог говорить со своим врагом властным тоном. Он не забыл поблагодарить его за приход, но велел еще раз направить его шаги к своему дому на Могавке. После этого Брант развернулся и зашагал прочь среди деревьев. Как раз в этот момент густые тучи заволокли небо; ужасная буря с яростью пронеслась по земле, что, по мнению людей, было подходящим предзнаменованием бедствий войны, которые теперь должны принести за собой разруху.

ГЛАВА VII

ФОРТ СТЭНВИКС И ОРИСКАНИ

Только что разгромив отвратительный заговор Херкимера, Брант покинул "Саскуэханну" и направился в сторону озера Онтарио. В Освиге должен был состояться большой индейский совет, и, возможно, он спешил на эту встречу.

Энергичная кампания была начата в середине лета 1777 года генералом Бергойном, который теперь командовал британскими войсками в Монреале. Было решено, что Бергойн должен нанести удар на юг с основной армией, пока не достигнет реки Гудзон. Тем временем другой отряд войск под командованием подполковника Сент-Леджера должен был совершить долгий крюк через озеро Онтарио и западную часть колонии Нью-Йорк. Целью этого последнего

движения было сплотить индейцев, собрать силы лоялистов и пробиться через сердце страны в надежде соединиться с армией Бергойна в Олбани.

Сент-Леджер добрался до Освего примерно в середине июля. Там к нему присоединились полк лоялистов, знаменитые Королевские зеленые, и рота рейнджеров Тори под командованием полковника Джона Батлера. Брант присутствовал с двумя сотнями ирокезов, в то время как большой отряд сенека также был сгруппирован под королевским штандартом. Всего там было семнадцать сотен человек, из которых не менее тысячи были индейцами под верховным командованием капитана Бранта.

Отправляясь в путь, Сент-Леджер, который знал, что может быть предпринята попытка преподнести сюрприз, с большой тщательностью изложил свой порядок марша. Отделение одного из батальонов было отправлено вперед, и позже к нему присоединился капитан Брант с отрядом своих воинов. Пять колонн индейцев шли впереди, гуськом; фланги также прикрывали индейцы на расстоянии ста шагов от центральной колонны.

Предполагалось, что первый удар будет нанесен по форту Стэнвикс, в верховьях Мохок. Это была старая английская крепость, пришедшая в упадок, но полковник Питер Гансевоорт ремонтировал и защищал ее в интересах восставших колоний. Он находился на дороге, ведущей к озеру Онейда, и считался опорным пунктом. Его гарнизон состоял примерно из семисот пятидесяти колонистов. У них было достаточно провизии, чтобы продержаться шесть недель, и приличный запас боеприпасов, и они надеялись выдержать атаку до прибытия помощи.

Английский предводитель достиг этого форта 3 августа и немедленно начал его осаждать. Под флагом перемирия было направлено требование, призывающее гарнизон сдаться. Сент-Леджер сказал, что это было его желание "щадить, когда это возможно" и наносить удары только там, где это необходимо. Он был готов купить их запасы провизии и обеспечить безопасность всем в форте. Предложение было щедрым, но гарнизон отверг его с добродушным презрением, и осада продолжилась с удвоенной серьезностью. Индейцы, прячась в зарослях, поливали огнем тех, кто работал на стенах. Присутствие дикарей придавало этой сцене странную ярость, делало ее, действительно, почти сверхъестественной. В частности, однажды вечером они "рассредоточились по лесу, полностью окружив Форт, и подняли ужасный вой, который продолжался с перерывами большую часть ночи". Форт Стэнвикс вскоре оказался в отчаянном положении. Новость об инвестициях вызвала трепет во всей долине Мохок. Колонисты спешно собрались вместе, и вскоре около тысячи из них во главе с Николасом Херкимером беспорядочно поднимались вверх по реке. Они спешили своим курсом с таким рвением, что даже не послали разведывательных отрядов, чтобы предупредить их об опасности и предотвратить внезапность. 5 августа этот вспомогательный отряд был недалеко от Орискани и всего в восьми милях от позиции Сент-Леджера. Теперь у Херкимера созрел хитроумный план, успех которого, как он с уверенностью ожидал, принесет ему победу. Он выбрал трех человек и послал их вперед, чтобы проникнуть в форт и сообщить Гансворту, что помощь приближается. В тот момент, когда они придут, осажденные должны были выстрелить из трех орудий в быстрой последовательности. Это должно было послужить сигналом Херкимеру; он должен был немедленно мчаться по дороге к британским позициям и ударить им в тыл, в то время как Гансевоорт должен был выступить вперед и атаковать их с фронта.

Предполагалось, что армия Сент-Леджера потерпит безнадежное поражение между двумя сокрушительными пожарами.

По воле судьбы, эта уловка была обречена на полный провал. Гонцы отправились в путь в одиннадцать часов вечера, и Херкимер думал, что они наверняка доберутся до форта к трем часам утра. Но он напрасно прождал всю ночь; ни один звук канонады не нарушал тишины в воздухе. Время шло, его офицеры становились раздражительными и нетерпеливыми; в конце концов они заявили о немедленном наступлении, назвав Херкимера нерешительным трусом. Наконец старик, совершенно против своей воли, отдал приказ выступать. Отряд на подмогу растекался по лесу неупорядоченными рядами. Тем временем индейцы Бранта не бездействовали. Они внимательно наблюдали за маневрами вражеских сил и своевременно предупредили. Сент-Леджер немедленно предпринял шаги, чтобы преградить дорогу атаке. Для этой цели было выделено подразделение Королевских зеленых, а также рейнджеры Тори под командованием Батлера. Однако основную часть контингента составляли индейцы, и на долю Джозефа Бранта выпало поймать Херкимера в крепкие сети своей сети.

Почва, по которой предстояло пройти американцам, была неровной, и это не ускользнуло от бдительного ока Бранта. Он был знатоком тактики ведения войны с индейцами и теперь использовал свои знания с пользой. Херкимер не успел далеко продвинуться по узкой тропе, как столкнулся с трудностями. Дорога спускалась в заболоченную ложину примерно в шести-семи милях ниже форта Стэнвикс. Эта ложина имела извилистое русло в форме полумесяца, и поперек нее была проложена дамба из тяжелых бревен. Между концами окружающего оврага находилась возвышенность, густо поросшая лесом и сухая. Именно здесь Брант устроил засаду, расставив своих людей с небольшим разрывом в их рядах по направлению к склону дороги.

Вниз, в овраг, спускались колонисты, их фургоны и небольшая охрана замыкали шествие. Пока они с трудом взбирались по противоположному склону, брешь за ними закрылась, и они были окружены со всех сторон. Арьергард остался позади с повозками и в суматохе бежал, преследуемый толпой индейцев. Из укрытых деревьев раздался смертоносный залп, сметавший несчастные ряды тех, кто был окружен на возвышенности. Выскочив из своего укрытия, индейцы набросились на лежащих раненых и расправились с ними ножами и томагавками.

Первый натиск вылился в кровавый карнавал. Теперь колонисты, благодаря своей численности, смогли собраться вместе и перейти к обороне. Вскоре схватка перешла в рукопашную, и завязалась одна из самых ужасных рукопашных схваток за всю Революционную войну. Мужчины могли смотреть друг другу в лицо; они сражались на расстоянии, слишком близком для пуль, и полагались на ружейную ложу, лезвие ножа и штык. Там были рубящие удары, дубинки и душилки, и часто в своем безумии они крепко сцеплялись и умирали в крепких объятиях друг друга. Посреди всего этого Херкимер показал себя не трусом. С разорванной пулей ногой он прислонился к дереву, раскурил трубку и отдал приказ о сражении. Над шумом отчетливо раздавались дикие крики краснокожих, их раскрашенные тела ярко мелькали среди деревьев. В первых рядах шел Брант, яростно сражаясь, его высокая фигура была твердо сложена, его глубокий голос отдавался громким эхом.

Пока битва была в самом разгаре, сгустились тучи, и пронизывающий шторм помешал сражающимся в их кровопролитной работе. Колонисты все еще отчаянно сражались, но для них день был потерян. Через несколько мгновений они перестроили свои разрозненные ряды и

решительно встретили врага лицом к лицу. Однако не успел бой возобновиться, как во влажном воздухе раздался грохот пушек. Назначенные гонцы прибыли в форт Стэнвикс с опозданием на много часов, и сигнал был подан. Обманутые канонадой и опасаясь, что Сент-Леджер может оказаться в бедственном положении, лоялисты быстро отступили вместе со своими союзниками-индейцами, оставив своих противников на багровом поле. Но колонисты были настолько измотаны ожесточенными боями, которые им пришлось пережить, что не могли последовать за отступающей армией и были вынуждены уныло двигаться вниз по долине Мохок. Четыреста их людей пали в битве убитыми или ранеными, почти половина от того числа, которое вошло в заболоченное ущелье. На носилках из зеленых веток генерала Херкимера отнесли в его каменный дом на реке, где через несколько недель после жестокого боя он умер с той же стойкостью, которую проявил под огнем.

Лавры этой победы при Орискани достались капитану Бранту. Он командовал большей частью сил лоялистов, и его план отдал врага на их милость. Благодаря этому успеху колонисты получили ошеломляющий удар, и армия полковника Сент-Леджера, возможно, была спасена от полного разгрома. Но индейцы заплатили высокую цену за свою победу; многие из их вождей и воинов лежали мертвыми на поле боя.

Осада форта Стэнвикс продолжалась до 22 августа. К этому времени Сент-Леджер достиг точки в ста пятидесяти ярдах от внешней стены. Во время перерыва известие о поражении Херкимера привело на помощь генерала Арнольда с сильным отрядом ополченцев. Находясь все еще на некотором расстоянии, этот командир подумал, что он может вызвать ложную тревогу в английском лагере. Полоумный парень, известный под именем почтенный Йост Шайлер, был схвачен и находился в лагере Арнольда. Его освободили при условии, что он отправится в английский лагерь и даст преувеличенный отчет о новых силах, которые шли на помощь форту Стэнвикс. Добравшись до лагеря, Шайлер первым делом пошел к индейцам, показав пальто, изрешеченное пулями, и рассказал о войске, которое уже в пути. Когда его спросили, сколько их было, он указал на трепещущие листья у себя над головой. Краснокожие всегда испытывали суеверный страх перед этим глупым парнем, и теперь они были в ужасе от его слов и выходок. Паника охватила осаждающих. Возможно, Брант пытался подавить беспорядки, но если бы ему это удалось, его усилия были напрасны. Сам Сент-Леджер, казалось, разделял панику, поскольку поспешно отступил по дороге, ведущей в Освиго. Но военный вождь Шести наций — об этом приятно рассказывать — не отступил вместе с ним. Пока Сент-Леджер отправлялся на север, Брант собрал группу своих добровольных последователей. Затем он совершил один из тех марш-бросков, которые сделали его знаменитым в пограничных войнах. Пересекая территорию противника с большим мастерством и отвагой, он поспешил на восток и через короткое время оказался в лагере генерала Бергойна на берегах Гудзона.

ГЛАВА VIII

БОИ НА ГРАНИЦЕ

Теперь Брант регулярно получал жалованье от британцев, и до окончания войны его должны были активно использовать для ослабления колонистов путем разрушения их поселений, расположенных между густонаселенными центрами атлантических штатов и границами Канады. В этой несчастной братоубийственной войне каждая сторона использовала индейцев,

чтобы вселить ужас в сердца своих врагов, и в результате в тихих долинах, лежащих между Гудзоном, Огайо и Великими озерами, произошло ужасающее уничтожение имущества и гибель людей. Брант проявил себя одним из самых успешных лидеров в этой пограничной войне, и хотя он, кажется, никогда сам не был виновен в бессмысленной жестокости, те, кто был под его началом, не раз безжалостно убивали своих врагов, независимо от возраста или пола. То, что он молчаливо позволял своим последователям убивать безоружных поселенцев и снимать с них скальпы, показывает, что он все еще был большим дикарем. Как написал один историк: "Он не был ни дьяволом, ни ангелом". Это правда, как мы увидим, что несколько раз он вмешивался, чтобы спасти друзей и знакомых тори, но это единичные примеры, и его набегі сопровождались всеми ужасами войны с индейцами. Единственное оправдание, которое можно предложить ему, это то, что он был не хуже своего возраста и что лидеры белых лоялистов, такие как Батлеры, а также колониальные командиры революционеров, были одинаково бессердечны в отношении уничтожения собственности и жизни.

Брант, по-видимому, провел зиму 1777 и 1778 годов в Канаде, но с началом военных действий весной он снова был в Окуаге и Унадиле. Один из его первых подвигов в 1778 году был совершен в Спрингфилде, небольшом поселении, расположенном в нескольких милях за Черри-Вэлли, у истоков озера Отсего. Когда весть о приближении Бранта достигла этого места, несколько человек бежали, спасая свои жизни. Те, кто остался, были взяты в плен. Вождь собрал женщин и детей в одном доме и подожгли все остальные здания в поселении. Забота Бранта о слабом полу и детях во время этой экспедиции показывает, что у него было нежное сердце, необычное для краснокожих того времени.

В сезон заготовки сена вождь проводил разведку в районе Шохари, который находился на некотором расстоянии к западу от Олбани и к югу от реки Мохок. Коса работала в высокой траве, и парнишка фермера был занят на залитом солнцем лугу сгребанием сена. Волоча свободные связки по стерне, он услышал сзади шаги. Обернувшись, он увидел, что к нему подкрался крепкий индеец, одетый в одежду воина. Мальчик непроизвольно поднял грабли, словно собираясь нанести удар.

- Не бойтесь, молодой человек, - сказал незванный гость на хорошем английском. - Я не причиню вам вреда.

Затем воин дружески спросил юношу, где живет некий мистер Фостер, лоялист. Он пошел дальше и спросил парня, как его зовут.

- Я хорошо знаю твоего отца, - сказал краснокожий, когда мальчик ответил на его вопросы. - Он живет по соседству с капитаном Маккином. Я очень хорошо знаю Маккина, и он тоже замечательный парень.

Теперь мальчик был совершенно уверен, что индеец не причинит ему вреда, и смело спросил, кто бы это мог быть.

- Меня зовут Брант, - ответил краснокожий, хотя на мгновение задумался, прежде чем ответить.

- Что? Джозеф Брант? - переспросил юноша, чувствуя, как острая дрожь пробежала по его венам.

"Нет! - ответил воин. - Я его двоюродный брат"; но улыбка осветила его смуглое лицо, и мальчик понял, что его отрицание было просто проявлением врожденного юмора. После этого Брант исчез в направлении дома Фостера. Мальчик сразу же бросился с поля к укрепленному посту неподалеку, чтобы рассказать свою историю, и вскоре поднялся шум. Группа людей поспешила к дому лоялиста, чтобы найти Бранта, но его там не было. Фостер сказал, что никогда не приходил и ничего о нем не знает. Итак, потерпев поражение в своих поисках, группа потенциальных похитителей была вынуждена развернуться и разочарованно вернуться в свою крепость.

Брант быстро завоевывал сомнительную репутацию, которую он лишь отчасти заслуживал. Из-за характера страны, в которой он воевал, и из-за отсутствия дисциплины в войсках, находившихся под его командованием, уничтожение имущества и грабежи были неизбежны. Брант, как мы увидим, мало что сделал, чтобы воспрепятствовать этому среди своих воинов. Его аргументом было то, что его противники подняли оружие против своего законного короля. Как мятежники, их земли и имущество были конфискованы короной и по праву подлежали захвату королевскими войсками. Однако для поселенцев на границе Брант считался безжалостным мародером, жаждущим крови. Всякий раз, когда происходили акты бессмысленной жестокости, вину обычно возлагали на него. Это объясняет горечь их отношения к нему как во время конфликта, так и после него, а также особый страх, который внушало им его имя.

В Унадилье Брант начал укреплять местность, пригодную для обороны, и туда стекались туземцы из окрестных районов. Поселенцы были настолько полны решимости поймать его, что предложили награду любому, кто сообщит им что-либо о его передвижениях. Даже такие люди, как капитан Маккин, о котором Брант так любезно упоминал в разговоре с фермерским мальчиком, шли по его горячим следам. Этот офицер отправился в путь с пятью другими людьми, чтобы, если возможно, захватить Бранта. Во время своих поисков маленькая группа однажды ночью пришла в дом квакера. К их великой радости, квакер сказал им, что Брант был у него дома в течение дня и вернется. Однако он предупредил их, что Брант готов встретиться с ними и что, если он внезапно вернется, их жизни будут в опасности. Маккин, однако, был упрям в своем решении остаться.

- Твой дом, друг Спящий, - сказал он с наигранной бравадой, - будет моей крепостью сегодня ночью.

Но квакер не принял ни одного из них и отправил поисковиков восвояси. Затем капитан Маккин написал письмо Бранту. Поместив это в палку, он бросил ее на тропу индейцев, где вскоре ее нашел краснокожий и отнес в вигвам Военного вождя. В письме Маккин обвинял Бранта в свирепости, с которой он сражался, и вызывал вождя могавков на поединок один на один или послать отборный отряд людей встретиться с ним в честном поле против равного числа. Если он покажется в Черри-Вэлли, пригрозил Маккин, "они превратят его из Бранта в Гуса".

Брант знал импульсивную натуру Маккина и принял это забавное письмо таким, каким оно было на самом деле. И все же письмо не обошлось без воздействия на него. Они бросали ему вызов; они дразнили его угрозами; он покажет им, что у Джозефа Бранта настанет день расплаты, и это произойдет очень рано. "Жители Вишневого долины, - написал он в постскрипуме к короткой записке, отправленной ярому лоялисту, - [очень] смелы и не намерены ничего с нами делать; они называют нас дикими гусями, но я знаю обратное".

В начале июля в долине Вайоминга, обширном регионе в Пенсильвании, расположенном на северном берегу реки Саскуэханна, произошло кровопролитное сражение. В течение многих лет после этой встречи принято было считать, что Брант был вождем индейцев, принимавших в ней участие. Долина Вайоминга когда-то была владением племен Шести наций, но в 1754 году они были вытеснены из своего наследства компанией-колонизатором. Когда началась война за независимость, он уже был хорошо заселен поселенцами. Естественно, жаждущие мести, обездоленные индейцы пригласили к сотрудничеству полковника Джона Батлера и его рейнджеров для проведения рейда. Батлер принял приглашение, и индейцы и рейнджеры в количестве пятисот человек быстро спустились с Саскуэханны и вторглись в долину. Однако их приближение было обнаружено, и все ополчение округа численностью в восемьсот человек двинулось против них. В последовавшем за этим сражении защитники были разбиты с большой резней и было снято много скальпов. Более старые американские историки представили бой как жестокую резню мирных жителей и утверждали, что при нем присутствовал Брант. Британские писатели, следуя за ними, впали в ту же ошибку. Стихотворение Томаса Кэмпбелла "Гертруда из Вайоминга", написанное в 1809 году, дает ужасную картину этого эпизода, рассказывая о работе, проделанной "монстром Брантом". Во время своего визита в Англию в 1823 году младший сын военачальника, Джон Брант, оправдал своего отца в письме Кэмпбеллу и показал, что упоминание о его отце в этом стихотворении основано на ложной информации. Он заявил, что "живые свидетели" убедили его в том, что его отца не было в окрестностях Вайоминга во время так называемой резни; были получены свидетельские показания в поддержку заявлений, которые тогда сделал Джон Брант. Было показано, что представители Шести народов, которых Батлер взял с собой, были сенека, в то время как остальные были индейцами из западных племен, и что племя Бранта, ирокезы, не присутствовало. Тем не менее резня в Вайоминге отличается лишь степенью от других сцен кровопролития и грабежа, в которых принимал участие Брант. Действительно, в тот месяц, когда долина Вайоминга была залита кровью, он напал на маленькую деревушку Андрустаун и, уведя нескольких пленников и большую добычу, исчез со своими последователями в окружающем лесу.

Приближалось время сбора урожая, и в долине Мохок зерно созрело до золотисто-коричневого цвета. Даже среди шума войны люди должны жить, и поэтому поселенцы начали собирать урожай этого сезона. Нигде на реке не было таких полных амбаров, как в густонаселенном районе, получившем название германских Флаттов. Граничащий с рекой Мохок с обеих сторон, он простирался на десять миль вдоль долины, богатой почвой, широкими зелеными пастбищами и многочисленными стадами. Поселенцы знали, что враг не за горами, и с каждым днем они все больше боялись нападения. У них было две крепости, в которые они могли бежать в случае неприятностей: форт Херкимер на одном берегу реки и форт Дейтон на другом; но от них было бы мало пользы для поселенцев, если бы они не были достаточно предупреждены о приближении врага. Помня об этом, они послали четверых из своего числа действовать в качестве разведчиков и предупреждать поселение о любой опасности. Во время выполнения этого задания трое из отряда встретили смерть от рук своих противников, но четвертый сбежал и поспешил обратно на немецкие равнины. Однажды вечером, незадолго до захода солнца, он прибыл с ужасающей вестью, что Брант движется вверх по реке с большим отрядом индейцев и скоро настигнет их. Тревога распространилась по долине, и мужчины, женщины и дети собрали все ценное, что смогли прихватить с собой в своем поспешном бегстве, и дружно бросились к фортам. Вечером некоторые увезли часть своего домашнего имущества на небольших лодках. Тем временем Колдуэлл, командовавший отрядом рейнджеров, с индейцами под

командованием Бранта подошел к окраине поселения. Затем, еще до того, как первые лучи дневного света забрезжили над долиной, индейцы, словно призрачные привидения, сновали между зданиями. Почти в тот же момент языки пламени поднялись во всех направлениях, вспыхивая и метаясь на фоне утреннего неба. Бессильные остановить разрушение, поселенцы, укрывшиеся за своими укреплениями, стали свидетелями печального зрелища. Дома и амбары, все, что можно было бросить в огонь, вскоре превратилось в груды дымящихся углей.

У Колдуэлла не было средств осадить форты, так как у него не было пушек; поэтому он не предпринял никаких усилий для их захвата. Но он не запретил своим воинам свободно бродить по долине. Сбежав по склонам на пастбище, они согнали лошадей, стада черного рогатого скота и пасущихся овец; и, собрав их вместе, они прогнали их с лугов и скрылись с ними среди деревьев. Перед заходом солнца они были уже за много миль отсюда, оставив после себя запустение и беспросветный ужас.

ГЛАВА IX

ВИШНЕВАЯ ДОЛИНА

Следующие события в жизни Бранта еще более прискорбны, чем те, о которых рассказано в предыдущей главе. Эпизод с Вишневой долиной можно рассматривать только как печальный пример того, к чему иногда приводило использование союзников-индейцев. Мирный фермерский район был опустошен; крестьяне были разграблены и убиты. Это правда, что некоторые из них с оружием в руках выступали против британского правления, но в целом они спокойно занимались сельским хозяйством, стремясь построить себе дома на окраине цивилизации. В этой работе, полной разрушений и смертей, Брант был всего лишь вторым в команде; лидером был белый человек и британский офицер. Но ни Брант, ни Батлер, командовавшие экспедицией, не смогли сдерживать жестокость и свирепость индейских воинов до тех пор, пока не был нанесен большой ущерб.

Теперь над Саскуэханной нависла дымка, и осенние листья приобрели красный оттенок. Борьба 1778 года, казалось, закончилась, и Брант решил провести зиму на Ниагаре. Соответственно, он выступил с отрядом воинов со своей укрепленной позиции в Унадилле и двинулся вперед легкими переходами по старой и хорошо протоптанной индейской тропе, ведущей к озеру Онтарио. Он успешно продвигался по своему пути, когда, к его удивлению, группа бывших союзников пересекла его путь в лесу. Возглавляемый капитаном Уолтером Н. Батлером, сыном полковника Джона Батлера, победоносного лидера в Вайоминге, отряд рейнджеров Тори, которые были с Брантом в Орискани, направлялся на восток. В 1777 году их молодой офицер подвергся суровому заключению у врага и, горя жаждой мести, в конце сезона пробирался в страну повстанцев. Он попросил прислать ему нескольких рейнджеров своего отца, и его просьба была удовлетворена. Ему также была предоставлена привилегия взять Бранта с собой, если вождь захочет присоединиться к его отряду.

Встретившись с Брантом так кстати, он в общих чертах изложил ему меры возмездия, которые он предложил принять. Когда план был раскрыт, покрытый боевыми шрамами вождь ирокезов понял, что ему суждено служить под началом этого юноши с небольшим опытом. Брант был готов практически к любой работе, которая могла бы послужить его королю, но поначалу ему не хотелось служить под началом Батлера. Ситуация между двумя лидерами стала напряженной, но в конце концов Брант сдался; их разногласия были улажены, и двое мужчин пришли к

дружеским отношениям. Брант отдал приказ своей разношерстной толпе краснокожих, и пятьсот из них развернули свой марш. Объединенный контингент из семисот человек сначала направился к берегам реки Тиога, одного из притоков Саскуэханны. Здесь было проведено совещание, и было решено, что они должны предпринять совместную атаку на поселенцев Вишневой долины. Батлеру это было более чем приятно, поскольку он стремился расплатиться по тому, что считал крупным счетом. Сердце Военного вождя трепетало от дикого восторга. В его ушах все еще звучал дерзкий вызов; поселенцы пригласили его войти в их долину, и теперь он откликнется на их насмешливый призыв. Жителям Вишневой долины и в голову не приходило, что их ждет. Летом они перевезли большую часть своего движимого имущества в хорошо построенную крепость. Но теперь, когда все успокоилось, они снова забрали его к себе домой. Однако едва это было сделано, как полковник Икабод Олден, комендант форта, получил записку из официального источника, в которой говорилось, что враги совсем рядом.

Несмотря на заслуживающий доверия источник, из которого это поступило, полковник Олден почти не обратил внимания на это предупреждающее сообщение. Он заявил, что грозящая опасность была всего лишь досужим слухом, что все будет хорошо и что он примет все меры предосторожности для безопасности своего народа. 9 ноября шпионы были разосланы в разные стороны с целью получения более полной информации. Один из них смело отправился вниз по реке Саскуэханна, где их собственная беспечность привела к их гибели. С наступлением темноты они разожгли костер и, поплотнее закутавшись, крепко уснули. Но, к их удивлению, когда они протирали глаза при свете утра, их окружила группа индейцев, их забрали как военнопленных и поспешили предстать перед Брантом и Батлером, которые вытянули из них много полезной информации. В свете этой информации были составлены планы немедленного нападения на поселение в Черри-Вэлли. Поселенцы все еще ничего не подозревали, когда вечером 10 ноября враг приблизился к форту на расстояние мили, взобрался на вершину холма, густо затененного вечнозелеными растениями, и скрылся из виду. Падая мелкий снег, но к утру он сменился морозящим дождем, и воздух стал густым и пасмурным. Пробираясь вперед на ощупь как можно тише, они подкрались к дремлющему скоплению жилищ. Как только они приблизились к краю деревни, увидели поселенца, въезжающего верхом. Индеец выстрелил и ранил его. Но мужчина вцепился в свою лошадь и героически ринулся вперед, чтобы поднять тревогу. Прежде чем броситься в атаку, Рейнджеры под непосредственным командованием Батлера на мгновение остановились, чтобы посмотреть, какой урон нанес их порох из-за дождя. Этот момент стал роковым для поселения, поскольку индейцы теперь рванулись вперед и ворвались в обреченную деревню, как гончие, спущенные с поводка.

Теперь дикари вышли из-под контроля, и Брант знал, что даже он не сможет остановить бойню. Самыми свирепыми из всех были сенеки, которые метали томагавки и убивали с безжалостной яростью демонов. Но военный вождь подумал о семье некоего мистера Уэллса, которого он знал и надеялся, что тот сможет спасти. Он срезал путь к дому этого поселенца, но путь лежал через вспаханное поле, и пока он бежал, земля прогибалась у него под ногами, и он медленно продвигался по тяжелой почве. Когда он подошел к дому, то увидел, что было уже слишком поздно. Сенека и другие индейцы вместе с ними сделали свое дело. Ни один из заключенных не избежал удара томагавком.

Пока шла атака на дома, индейцы предприняли несколько нападений на форт, но безрезультатно. Однако их разрушительная работа среди жилищ поселенцев продолжалась беспрепятственно. Вскоре пламя охватило все кварталы. Батлер, встревоженный тем, что

индейцы настолько вышли из-под контроля, был вынужден держать свои регулярные войска в готовности отразить вылазку гарнизона. Брант тем временем прилагал все усилия, совершая многочисленные акты доброты, и делал все, что мог, чтобы сдержать грубую жестокость своей банды дикарей. В одном доме он нашел крестьянку, спокойно занимавшуюся своим повседневным трудом.

- Вы занимаетесь этим, - спросил он, - в то время как вокруг вас убивают всех ваших соседей?

- Мы люди короля, - последовал простой ответ.

- Сегодня эта просьба вам не поможет, - сказал вождь. - Они убили семью мистера Уэллса, которая была мне так же дорога, как моя собственная.

"Но, - возразила женщина, - есть один Джозеф Брант: если он с индейцами, он спасет нас".

- Я Джозеф Брант, - последовал быстрый ответ, - но у меня нет командования, и я не знаю, смогу ли спасти вас.

Не успел он договорить, как его острый глаз заметил группу сенека, приближавшихся к дому. "Быстро ложись в постель, - резко сказал он, - и притворись больным". Женщина выполнила его просьбу, и индейцы, когда вошли, были полностью обмануты ее притворством. Затем, когда они ушли, Брант подал пронзительный сигнал, и несколько его ирокезов собрались в комнате. Он призвал их помочь ему спасти эту женщину и ее семью. Он верил, что его метка на них сделает их безопасными даже во время всеобщей резни. У него не было с собой красителя, и он попросил ирокезов использовать их. Затем индейцы ловкими пальцами нанесли собственный знак вождя на женщину и ее детей, чтобы защитить их.

- Теперь вы, вероятно, в безопасности, - сказал Брант и снова вышел в дым пожара и битвы.

Когда резня закончилась, выяснилось, что тридцать или сорок поселенцев избежали смерти и были взяты в плен. У одного из них Брант навел справки о местонахождении капитана Маккина. Он узнал, что этот офицер увез его семью в долину Мохок.

"Однажды он бросил мне вызов, - заметил Брант. - теперь я пришел принять его. Он прекрасный солдат, раз так отступает".

"Капитан Маккин, - последовал ответ, - не повернулся бы спиной к врагу там, где была вероятность успеха".

- Я знаю это, - сказал Брант с нескрываемым великодушием. - Он храбрый человек, и я отдал бы за него больше, чем за любого другого мужчину в Вишневой долине. Но, - добавил он, - я бы не тронул и волоска с его головы".

Вечером в день кровавой бойни пленников повели вниз по долине к лагерю лоялистов, расположенному в нескольких милях к югу от форта. Со всех сторон были зажжены костры, и в пределах широкого радиуса действия этих костров несчастные пленники были загнаны в загон на ночь. Но воздух был холодным, и многие из тех, кто был скудно одет, проводили часы темноты в беспомощной агонии на холодной голой земле. Ночью по лесу разносились пронзительные крики индейцев, которые злорадствовали при виде сцены своего триумфа. Добыча была

разделена между налетчиками, и с рассветом следующего дня они двинулись в направлении Ниагары.

Пленников разделили на небольшие группы и распределили по разным частям отряда. Они не ожидали пощады от победителей, но, к их удивлению, к ним было проявлено милосердие. Батлеру теперь удалось восстановить свою власть от их имени. Когда марширующие оркестры остановились, их собрали вместе, а женщин и детей освободили. Только жены двух колониальных офицеров со своими семьями были взяты в плен и увезены в западные леса. В долине Черри остались только кучи дымящихся обломков. Группы краснокожих все еще слонялись вокруг несчастной деревни, пока на следующий день не увидели, что приближается враг. С реки Мохок прибыл отряд ополчения, но они опоздали; дикари, избежав столкновения, ушли, и картина представляла собой хаос и запустение. Как написал один летописец: "Петухи кричали с вершущек лесных деревьев, и собаки выли в полях и лесах".

ГЛАВА X

МИНИМОЙКА И РЕКА ЧЕМУНГ

Теперь Брант направлялся на встречу лоялистов на Ниагаре, но его беспокойный дух не позволял ему бездействовать. Вскоре он был полон решимости осуществить план далеко идущего значения, в осуществлении которого он надеялся получить помощь западных племен. Он поддерживал контакты с делаваарами и шауни и планировал совместную кампанию с ними, которая должна была состояться в зимние месяцы. Западные индейцы должны были совершить нападение на границы Вирджинии, в то время как он должен был возглавить экспедицию в сердце колонии Нью-Йорк. Однако этому смелому предприятию было суждено провалиться. Пришло известие, что губернатор Гамильтон, британский комендант форта Детройт, был побежден полковником Джорджем Кларком в феврале на реке Уобаш. Гамильтон, захвативший там форт Венсен, в течение некоторого времени пытался заинтересовать западные племена в деле британии; но 5 июля 1778 года Кларк захватил город Каскаския в штате Иллинойс и после форсированного марша оттуда к Уобашу со своим вирджинским ополчением появился у форта Венсен и вынудил Гамильтона сдаться. Удар был тяжелым и лишил западные племена мужества; они были настолько подавлены, что не отважились вторгнуться в страну врага. Не достигнув своей цели, Брант был вынужден бездействовать в штаб-квартире.

Весной 1779 года вся борьба в Америке была довольно скудной. Рейды против Вайоминга и Вишневой долины вызвали возмущение Конгресса Соединенных Штатов, и он энергично обратил свое внимание на индейские племена, которые выступали против его правления. Они должны быть подавлены любой ценой. 25 февраля Конгресс проголосовал за то, чтобы были приняты меры для оказания помощи тем поселениям, которые пострадали от индейцев. Кампания возмездия на родине Шести наций должна была стать кульминацией года. Таков был план. Под командованием генерала Салливана должны были действовать численно сильные силы. Салливан должен был двигаться вверх по Пенсильвании и вдоль Саскуэханны, пока не достигнет реки Тиога. В то же время генерал Джеймс Клинтон должен был наступать с севера, по пути встретившись со своим собратом-офицером. Затем обе дивизии должны следовать по руслу реки Чемунг и безжалостно обрушиться на деревни Сенека и Каюга.

Клинтон был в замке Канаджохари 16 июня. С трудом он преодолел двадцатимильный переход до озера Отсего и к концу месяца смог сообщить генералу Салливану, что готов к последнему

этапу путешествия. Салливан, с другой стороны, не пытался спешить. Он продвигался вперед неторопливым шагом, и Клинтона эта задержка очень разозлила. Даже Брант поражался бездействию Салливана. Военачальник слишком хорошо знал, что, когда две силы повстанцев встретятся, борьба за спасение домов его народа будет трудной.

В этот момент великий могавак лежал со значительным отрядом воинов у Грасси-Брук. Он узнал, что Минимойка в горах Шаванганк, недалеко от границы с Нью-Джерси, осталась без охраны, и решил напасть на нее. Взяв с собой шестьдесят краснокожих и двадцать семь белых, одетых как индейцы, он продвигался так незаметно, что его приближение осталось незамеченным. Ночью 19 июля он напал на город врасплох, сжег его дотла и увел пленных и добычу.

Округ Ориндж, в котором находился Минисинк, сразу же погрузился в состояние смятения. Местное ополчение собралось вместе и горело желанием преследовать своего дерзкого врага. Некоторые сочли более благоразумным остаться дома, но большинство пожелало немедленно пуститься в погоню. Дело было улажено, когда майор Микер вскочил на коня, взмахнул саблей и яростно закричал: "Пусть храбрецы следуют за мной, трусы могут остаться позади". С этими словами опрометчивые поселенцы напали на след краснокожих и пустились в погоню. Группа разведчиков, которые немного лидировали, после различных захватывающих приключений оказалась на широких холмах, окружающих реку Делавэр. Внизу они могли видеть индейцев, сновавших между деревьями. Краснокожие, очевидно, направлялись к неглубокому месту, где они могли бы перейти ручей вброд.

Для колонистов это казалось удачей. Они бросались вниз с холма и оспаривали переход Бранта через реку. Повинуясь импульсу, они уверенно двинулись вперед, но обнаружили, что опередили остальных. Как только они скрылись из виду в лесу, Брант искусно изменил свой шаг. Он проскользнул через глубокий овраг и вышел в тыл врага. Затем он сам выбрал позицию для засады. Солдаты округа Ориндж, оглядываясь в поисках индейцев, наконец остановились, когда, к своему ужасу, обнаружили, что враг расположился в неожиданном квартале. Там, в укрытии за ними, располагался отряд Бранта. Теперь военный вождь выступил из среды своих краснокожих и сделал попытку перейти на сторону противника. Он посоветовал им сдаться, не оказывая сопротивления; если они это сделают, он позаботится о том, чтобы им не причинили вреда. Если начнется битва, добавил он, он, возможно, не сможет сдержать своих последователей. Единственным ответом, который последовал, была пролетевшая пуля, пробившая дыру в его поясе. В одно мгновение Брант развернулся и исчез в укрытии. Тотчас же враг с головокружительной скоростью обрушился на укрытое деревьями логово индейцев. Переходя вброд узкий ручей, который препятствовал их продвижению, их ряды пришли в беспорядок, и Брант эффективно воспользовался ситуацией. Его голос перешел в боевой клич, и его воины пришли в движение. После одного резкого, разрушительного залпа они схватили свои томагавки и ринулись в гущу своего врага. За час до полудня и до захода солнца, укрытые деревьями и скалами, обе стороны упорно сражались. Наконец белые уступили, и битва завершилась ужасающей резней. Из отступающих остатков выжило тридцать человек, в то время как тела многих их товарищей были оставлены на поле боя. Из тех, кто искал спасения, переплыв Делавэр, несколько человек были убиты в воде индейцами, которые открыли по ним огонь, когда они с трудом добирались до противоположного берега.

После боя, когда Брант шел по залитому кровью полю, он склонился над раненым телом Габриэля Виснера, мирового судьи округа Ориндж. Упавший человек, хотя и испытывал

мучительную боль, все еще был в состоянии говорить, но вождь видел, что он умирает. В лесу были волки, и они скоро посетят место побоища. Вынести Виснера с поля боя было бесполезно. Мгновение военачальник раздумывал, что ему делать. Затем, переключив внимание раненого в другом направлении, он занес свой топор. В мгновение ока он размозжил череп умирающему магистрату, и его страданиям пришел конец. Этим поступком, как и другими, Брант показал, что контакт с цивилизацией не освободил его от основных инстинктов его дикой натуры. Мало кто из белых людей смог бы совершить такой поступок даже на поле боя с таким спокойствием.

Теперь Брант вернулся в пограничную страну и вместе с сэром Джоном Джонсоном разработал план обороны. Было решено, что они должны укрепить позицию на реке Чемунг, чтобы противостоять продвижению американцев в глубь индейской страны. Выбранное место находилось недалеко от деревни Ньютаун. Был построен бруствер длиной в полмили, защищенный с одной стороны рекой, а с другой двумя участками возвышенности. На этих гребнях были размещены батальоны. Но защитники смогли собрать лишь сравнительно небольшие силы, значительно уступающие противнику по численности. Всего гарнизон насчитывал около восьмисот человек, две трети из которых были индейцами.

Не прошло и четырех недель после битвы на реке Делавэр, как генералы Салливан и Клинтон объединили свои силы в Тиоге. У них была очень мощная армия, состоявшая в общей сложности примерно из пяти тысяч человек, включая сильную бригаду опытных стрелков и артиллерийский корпус с несколькими тяжелыми орудиями. Они заранее выслали корпус легкой пехоты и теперь медленно продвигались к укреплениям, занятым королевскими войсками.

Военный вождь командовал индейцами, и, несмотря на мощь противостоящих сил, он решил занять решительную позицию. Когда враг приблизился, он небольшими отрядами отослал своих людей с укреплений, чтобы досадить им и задержать их продвижение. Индейцы атаковали захватчиков на манер лесных бойцов, стреляя, а затем ища укрытия, пока те перезаряжали свои мушкеты. Последовавший конфликт был отчаянным, не поддающимся описанию. Каждое укрытие — куст, дерево или валун — удерживало своего человека. С упрямой отвагой дикари стояли на своих местах, пока не были отброшены назад самим толчком атаки. Враг был сосредоточен глубоко впереди, и на их плотные ряды нельзя было произвести особого впечатления. Еще более огорчительным было то, что американцы пустили в ход свою тяжелую артиллерию, и она начала обрушиваться на укрепления. В этот день Брант был вдохновляющей фигурой для своей тонкой шеренги воинов. Его решительный вид вселил в них надежду; его звучный голос прозвучал сильно и ясно среди шума и побудил их сопротивляться. Везде, где битва была самой ожесточенной, он прокладывал себе путь, тщательно отдавая приказы, произнося слова подбадривания и, перед лицом смерти, стремясь остановить поток неминуемого поражения.

Тем временем генерал Салливан заметил войска, заполонившие возвышенность. Немедленно был отправлен отряд под командованием майора Пура с приказом штурмовать склоны и выбить защитников с их позиций. Военный вождь мгновенно оценил ситуацию. В последней попытке спасти положение он собрал своих воинов и с помощью батальона рейнджеров с удвоенной энергией бросился в борьбу. Но хотя Брант с предельной энергией перебегал с места на место, вскоре стало очевидно, что день потерян. Американцы взобрались на холм и, несмотря на

храброе сопротивление, обошли лоялистов с фланга. Войска противника начали окружать гарнизон.

-Уна! Уна! - горестный крик отступающих дикарей завибрировал в воздухе. Двигаясь к ручью, краснокожие и белые люди вместе пересекли его в стремительном бегстве. По индейскому обычаю убитых уносили с поля битвы, но в данном случае отступление было настолько поспешным, что одиннадцать трупов остались лежать там, где они пали в борьбе. Салливан и его армия бесспорно владели полем боя. Для Бранта и мужчин Шести наций это был день скорби и катастрофы. Ворота их страны были распахнуты настежь; их деревни остались без защиты; ничто не могло помешать опустошителю топтать и разграблять прекрасную землю их отцов, гордость благородной расы, дар веков. Но в свете их поведения во время дела в Черри-Вэлли следует сказать, что их судьба не была незаслуженной.

По мере продвижения генерала Салливана, пылающего и опустошающего, он, наконец, вошел в долину Джenezи. Это он устроил "сцену уныния и тошнотворного запустения". На индейцев охотились, как на диких зверей, пока во всей стране не осталось ни дома, ни фруктового дерева, ни кукурузного поля, ни жителя". Сто двадцать восемь домов были снесены в городе Джинеси. Салливан стал известен индейцам как "Разрушитель городов". "И по сей день, - сказал Корнплантер в речи, произнесенной много лет спустя, - при звуке этого имени наши женщины оборачиваются и бледнеют, а наши дети крепко прижимаются к шеям своих матерей".

Военный вождь действительно потерпел поражение на реке Чемунг. И все же в час поражения он добавил блеска своему имени. В летописях леса мало случаев, столь же славных, как эта спартанская борьба на границах индейской страны. Можно проследить сходство между этой битвой и другой, которая была проведена в 1813 году великим воином племени шауни Текумсе в моравском городке на канадской Темзе. Как и Брант, Текумсе был в союзе с отрядом белых людей, и, подобно вождю могавков в битве на реке Чемунг, Текумсе сыграл ведущую роль в битве на Темзе. В каждом сражении сражалась гораздо более многочисленная армия; в каждом поражении индейский вождь оказывался не без чести.

ГЛАВА XI

ЧЕРЕЗ ГРАНИЦУ

Вместо того, чтобы продолжить атаку на сильный форт лоялистов на Ниагаре, генерал Салливан 16 сентября повторно переправился через Джинеси. По его утверждению, причиной возвращения была нехватка провизии. До этого Брант сорвал заговор, который готовился среди индейцев с целью дезертировать от имени британии. Красная куртка, влиятельный вождь племени сенека и очень убедительный оратор, предложил, чтобы Шесть наций заключили постоянный мир с колонистами. "Что англичане сделали для нас, - воскликнул он, указывая в сторону долины Мохок, - что мы ради них стали бездомными и беспомощными?" Значительная часть последователей поддержала точку зрения вождя Сенека, и было решено, что следует послать гонца в лагерь генерала Салливана, чтобы сообщить ему об их желании прийти к соглашению. Если Салливан был готов вести с ними переговоры, его следовало попросить прислать свои предложения под флагом перемирия. Эти действия стали известны Бранту, и, независимо от того, был ли его поступок оправдан или нет, он принял, вероятно, единственное средство предотвратить массовое дезертирство к врагу. Он выбрал двух самых надежных своих воинов и дал им инструкции устроить засаду несущим флаг перемирия в лагере Салливана.

Носильщики были убиты, и предложения американского командующего попали в руки Бранта, а Красной Куртке и его группе оставалось только воображать, что Салливан не был достаточно любезен, чтобы даже прислать им ответ.

Вскоре после разгрома Шести народов на реке Чемунг и разрушения их деревень начал выпадать снег. Зима 1779-80 годов была необычайно суровой, и индейцы перенесли невыразимые лишения из-за голода и болезней. Они были вынуждены в большом количестве отправиться в поход в окрестности английского форта на Ниагаре. Брант был там в это время, и во время своего пребывания он видел свадьбу, совершенную по священным обрядам англиканской церкви. Он потерял свою первую жену, мать Исаака и Кристианы, и женился на ее сводной сестре Сюзанне; но она тоже умерла бездетной, и Брант взял в свою палатку дочь вождя племени могавков, на которой теперь решил жениться по обычаю белых людей. Его третья невеста, которой на момент замужества было около двадцати одного года, известна в истории как Кэтрин Брант. Она родила Бранту троих сыновей и четырех дочерей и прожила несколько лет после его смерти. Ее отец был ведущим сахемом клана Черепах, и, следовательно, она смогла присвоить высокий ранг в племени ирокезов своему сыну Ахьювайгу, или Джону Бранту.

Историю участия Бранта в Революционной войне с этого времени можно изложить очень кратко. Перед весной он снова встал на тропу войны и помогал уничтожать деревни онейдасов из-за их активного сочувствия делу повстанцев. В апреле месяце он приблизился к поселению Харперсфилд и сравнял его с землей. Когда он возвращался из последнего приключения, его охватила лихорадка, и он был вынужден двигаться медленными шагами. Он разрешал своим воинам отправляться в путь только через день. Есть анекдот, рассказывающий, как он вылечил себя от своей болезни очень по-индейски. Заняв позицию на склоне холма, где водились гремучие змеи, он подождал, пока одна из них выползет погреться на солнышке. Когда, наконец, показалась змея, он схватил ее и понес в свой лагерь. Эту рептилию сварили в бульоне, и Брант с аппетитом отведал горячего отвара. И после того, как он принял это чудесное средство, согласно рассказу, он очень быстро выздоровел.

В августе того же 1780 года Брант снова вторгся в долину Мохок. На этот раз он добился своей цели хитрым способом. Он узнал, что некоторые припасы везут в форт Шайлер, и притворился, что собирается захватить их и напасть на сам форт. Местное ополчение перешло к обороне форта, и, пока они были заняты этим, Брант вернулся в тыл. Обрушившись на поселение белых в Канаджохари, он все разрушил и увел в плен множество женщин и детей. Позже в том же сезоне он совершил аналогичный спуск в Шохари-килл, но здесь на его счету по крайней мере один акт доброты. После рейда группу поселенцев собрали вместе и рассказали обо всех несчастьях, которые с ними произошли. Одна женщина с печальными глазами рассказала о потере своего мужа и нескольких своих детей. Она была лишена даже младенца, которого вырвали из колыбели. Но в то утро, когда офицеры колониального лагеря сидели за завтраком, в их гущу ворвался раскрашенный краснокожий, неся на руках худенького ребенка, и вручил письмо командующему офицеру. Он вынашивал ребенка от этой женщины, и письмо было от Джозефа Бранта.

"Сэр, - говорилось в послании, - я посылаю вам с одним из моих гонцов ребенка, которого он доставит, чтобы вы знали: что бы ни делали другие, я не воюю с женщинами и детьми. Мне жаль говорить, что со мной на службе есть люди, которые более свирепы, чем сами дикари".

1781 год привел войну к своему апогею. 19 октября лорд Корнуоллис, сильно потесненный в Йорктауне шестнадцатитысячной армией Вашингтона и мощным французским флотом под командованием адмирала де Грасса, был вынужден капитулировать. Это был последний важный эпизод перед установлением мира. В течение лета военный вождь все еще сражался на границе и преследовал в стране тех, кто симпатизировал американцам. В августе он был обнаружен на западе, разгромив часть сил полковника Кларка близ Великой реки Майами, которая впадает в озеро Эри.

Мирный договор между Великобританией и Соединенными Штатами Америки был подписан в ноябре 1782 года. Канада, Ньюфаундленд и то, что сейчас является Приморскими провинциями Доминиона, оставались в руках короны, но независимость других английских колоний в Новом Свете была признана. Во всем тексте договора не было ни слова о Шести нациях. Но все их земли к югу от озера Онтарио до берегов Гудзона перешли во владение Соединенных Штатов. В течение некоторого времени казалось, что жертвы индейцев во имя Его Величества короля были сочтены ничем, и преданные им соплеменники были очень разгневаны. Они доблестно сражались за корону и теперь ожидали, что король сделает что-то для них взамен. Все, на что им оставалось опереться, - это обещание, что их права будут соблюдены, когда конфликт закончится.

"Настало время вам помочь королю", - сказал генерал Холдиманд собравшимся краснокожим в 1775 году. "Война началась. Окажите помощь королю сейчас, и вы увидите, что это пойдет вам на пользу. Иди сейчас и сражайся за свои владения, и все, что ты потеряешь из своего имущества во время войны, король возместит тебе, когда воцарится мир.

Сэр Гай Карлтон также заверил индейцев, что деньги будут потрачены на то, чтобы после войны обеспечить им то же положение, которое они занимали до нее, и что правительство не будет халатно относиться к их нуждам. В 1779 году, когда генерал Холдиманд уже командовал всеми войсками в Канаде, он повторил свои обещания и сказал, что сделает все возможное, чтобы выполнить их, "как только наступит это счастливое время [восстановления мира]".

Когда война закончилась, большая часть народа ирокезов жила на западном берегу реки Ниагара. Они разбили свои вигвамы недалеко от пристани, ныне Льюистон, которая находилась в нескольких милях выше форта. Их старая территория находилась в самом сердце страны их завоевателей, и вернуться туда они не могли в безопасности. Сенека, жившие неподалеку, увидели, как печально их положение, и предложили им землю, на которой они могли бы поселиться. Могавки оценили доброту этого предложения воинственного народа, сражавшегося бок о бок с ними в долгой борьбе, но они не могли принять это предложение. По словам самого Бранта, они были полны решимости "утонуть или плыть" вместе с англичанами.

Чтобы уладить этот вопрос, военный вождь отправился вниз по реке Святого Лаврентия, чтобы посоветоваться с канадскими лидерами. В Квебеке он встретился с генералом Холдимандом, и этот офицер приветствовал его с самой искренней дружбой и предоставил возможность обсудить несчастную судьбу его бездомных. Холдиманд сказал, что он был бы вполне готов выполнить обещания, которые дал во время войны. Брант ответил, что его соплеменники хотели бы поселиться на английской земле, и назвал регион у залива Квинт местом, подходящим для их нужд. Эти земли были особенно плодородны и красивы, и Холдиманд был вполне готов к тому, чтобы предоставление было произведено в соответствии с их пожеланиями. Он сказал, что вскоре будет куплен участок и передан воинам Шести наций. Должно быть, Бранта хорошо

сопровождали в его путешествии на восток, поскольку на обратном пути двадцать индейских семей свернули в сторону и разбили свои жилища на отведенной им территории в заливе Квинте. Ими правил индеец по имени капитан Джон, и так было положено начало процветающему поселению могавков. Брант продолжил свое путешествие вдоль южного берега озера Онтарио и снова добрался до Ниагары.

Но когда Военный вождь рассказал ожидавшим краснокожим о своих переговорах с генералом Холдимандом, раздался громкий крик недовольства. Сенека, которые были главными возражателями, заявили, что они не могут позволить своим родственникам и старым товарищам по оружию уйти так далеко от них, как бухта Квинте. Сенека все еще боялись, что у них могут возникнуть трудности с народом Соединенных Штатов, в стране которых они проживали. Ирокезы должны быть поблизости, чтобы прийти им на помощь, если топор снова будет поднят.

Брант очень сочувствовал сенекам, которые оказали ему такую неоценимую услугу на войне. Они могли быть жестокими в бою, но были очень преданны своим друзьям, и он знал, что для них нужно что-то сделать. Соответственно, он во второй раз отправился в Квебек и снова обсудил ситуацию с генералом Холдимандом. Результатом стало то, что он получил еще один земельный надел на Гранд-Ривер, которая, направляясь на юг, впадает в воды озера Эри. Участок шириной в шесть миль по обе стороны этого ручья, простирающийся от его истока до устья, был отведен Шести нациям. Этот прекрасный район, граничащий с берегом озера Эри, всего в сорока милях от внешней окраины деревень Сенека, находился на прямой линии сношений между Шестью нациями и многочисленными племенами запада и верхних озер. Брант получил документы о праве собственности на эту территорию для индейцев осенью 1784 года, скрепленные печатью королевской власти. Это был дар, как указано в условиях премии, "которым могавки и другие представители Шести наций... вместе со своими потомками" должны были наслаждаться вечно.

Получив новый дом, группа меднолицых патриотов начала переправляться через Ниагару. Они были лоялистами иной расы, чем белая, и, как и другие лоялисты, они оставили свои Длинные Дома в руках чужака. На их телах были отметины и шрамы от многих походов; их конечности стали гибче после долгого перехода и смуглее под летним солнцем; они не осмеливались оглянуться на прекрасную землю, которая была охотничьими угодьями их отцов. С ними были их женщины, темноглазые амазонки севера. Их малыши ковыляли рядом. Вскоре путешествие закончилось, и они увидели воды Великой реки, текущие между узкими берегами. Здесь, на цветущих полянах, они разбили свои палатки и заново разожгли костры совета. Затем они поплыли против течения, отыскивая границы своей страны; вниз по течению они снова пустились в погоню, их радостные глаза сияли, когда они увидели, насколько обширным и прекрасным было их наследие.

Народ могавков приехал в Канаду, чтобы остаться. Среди них поселилось много представителей родственных племен, краснокожих людей, которые не отказались от своего Великого Белого Отца - короля. Под укрытием ветвей царственного клена, серебристого бука или поникшей ивы они построили грубые хижины лесного народа. Затем они возделали землю и научились любить свое новое жилище. Несмотря на свирепость, непревзойденность в искусстве ведения дикой войны, могавки и другие индейцы Шести наций Канады редко, если вообще когда-либо, превосходили других краснокожих в вопросах мира.

ГЛАВА XII

СНОВА АНГЛИЯ

Между тем, как обстояли дела с представителями племен Шести наций, которые остались на своих бывших территориях к востоку от Ниагары? Они стремились договориться с правительством Соединенных Штатов, но не только с самими собой. В любом договоре, который мог быть заключен, они хотели согласия западных племен. Официальные лица новой республики, однако, были против этого и отнеслись к их желанию без особой вежливости. В 1784 году в форте Стэнвикс была созвана конференция, но западные племена не были приглашены. Пока это происходило, Красный Пиджак, оратор из племени Сенека, поднялся в компании своих товарищей и произнес речь, полную красноречия. Его отношение к американцам изменилось с тех пор, как Брант раскрыл свое предательство еще до окончания войны. "Шесть наций" должны возобновить соревнование, - сказал Красный Пиджак. Они никогда не должны подчиняться игу своих угнетателей. С другой стороны, главный кукурузник, обладавший более здравым смыслом, выступал за мир. Несомненно, было бы неразумно со стороны индейцев вступать в новую войну в одиночку и без помощи своих бывших союзников, англичан.

Наконец Плантадор добился своего, и 22 октября с представителями Соединенных Штатов был заключен договор. По этому договору индейцы должны были выдать всех военнопленных, все еще находившихся в их руках. До тех пор, пока это не будет сделано, из их числа должны были быть предоставлены шесть заложников. В то же время были определены границы страны, над которой они властвовали.

Громкий ропот недовольства поднялся среди Шести наций по поводу завершения этого пакта, и никто не был разгневан больше, чем сам Джозеф Брант. Он был в Квебеке, собираясь отбыть в Англию, но поспешил вернуться, узнав условия договора. Особенно он был раздражен из-за того, что Аарона Хилла, одного из младших вождей ирокезов, должны были выдать в качестве заложника. Прибыв в Катаракти 27 ноября, Брант отправил полковнику Манро длинное и волнующее письмо. Этим он показал, что его индейцы никоим образом не виноваты в удержании военнопленных. Битва закончилась, и Шесть наций хотели восстановления гармонии. С большим чувством он упомянул "обычаи и манеры ирокезов". "Они всегда активны и правдивы, - возразил он. - никаких двойных лиц на войне или в любом другом бизнесе."

Трудность была быстро устранена, и военный вождь был удовлетворен, но он видел, что все индейские расы находятся в опасном положении и рано или поздно могут быть втянуты в военные действия. Тем временем он обдумывал план, который можно было бы сравнить со смелой концепцией Понтиака. В видении он увидел, как все индейские племена объединились в одну далеко идущую конфедерацию для утверждения своих свобод. Брант отличался необычайным честолюбием и не имел скромного представления о своих способностях. Он воображал себя избранным главой такой обширной лиги местных рас. Именно с этой целью в это самое время он посетил западные племена и попытался выяснить их взгляды на этот счет.

В конце 1785 года Брант был готов совершить свое второе путешествие через Атлантику. После многих лет активной службы на благо короны ему действительно подошло еще раз засвидетельствовать свое почтение при английском дворе. Он также хотел выступить в защиту своих соплеменников, которые так много потеряли в этой борьбе. Вполне вероятно даже, что он

обдумывал свой план объединения всех племен и хотел раскрыть этот план местным властям. Поразительный очерк внешности военного вождя в этот период дает баронесса Ридезель. Эта талантливая дама, познакомившаяся с вождем племени ирокезов в Квебеке, была женой известного генерала, командовавшего войсками гессенцев в Революционной войне.

"В это время, - пишет она, - я видела знаменитого индейского вождя, капитана Бранта. Его манеры безупречны: он свободно выражался и пользовался большим уважением генерала Холдиманда. " Напряженные сцены, которые пришлось пережить Бранту, действительно, похоже, не оставили на его лице особого впечатления. - Я как-то обедала с ним у генерала, - продолжала баронесса. - В своем наряде он выгодно выделялся наполовину военным, наполовину дикарским. Лицо у него было мужественное и умное, а нрав очень мягкий.

По прибытии в Лондон во второй раз Брант получил прием, даже превосходящий тот, который был оказан ему во время первого визита. Его восхваляли как короля краснокожих и повелителя бескрайнего леса. В домах самых знаменитых людей королевства ему было отведено почетное место. Одним из тех, кто получал удовольствие от общества Бранта, был лорд Перси, наследник герцогства Нортумберленд. Лорд Перси служил в Америке и был принят, согласно индейскому обычаю, в одно из племен Шести наций, и на его языке его называли Вечнозеленым Тормозом. Чарльз Джеймс Фокс, государственный деятель, также был среди поклонников военачальника. Фокс распорядился отправить Бранту красивую серебряную табакерку с выгравированными на ней его инициалами. Принцу Уэльскому понравился вождь, и он брал Бранта с собой во многие свои прогулки по столице. Брант был поражен некоторыми местами, к которым прибегал его королевский проводник. В королевском дворце он был тепло встречен королем Георгом и королевой Шарлоттой и пользовался большим уважением.

Его официальный визит к их Величествам ознаменовался несколько необычным инцидентом. Как послушный подданный, по традиции он должен был поцеловать руку королю, но он отказался это сделать. Военачальник не мог склониться даже перед величайшим из властителей. Однако, повернувшись к королеве, как подобает кавалеру, Брант сказал, что был бы только рад поцеловать ей руку. Георг III, казалось, нисколько не был раздосадован. Казалось, он был в восторге от такой любезности, оказанной его королеве, и поэтому роман прошел счастливо.

Один юмористический эпизод, произошедший во время пребывания Бранта в Лондоне, вызвал настоящую сенсацию. Благодаря благосклонности графа Мойры, он был приглашен на бал-маскарад в Мейфэр. Это должно было быть праздничное мероприятие, и ожидалось, что на нем будут присутствовать люди выдающегося положения. Брант не приложил никаких усилий к тому, чтобы искусно нарядиться по этому случаю, но был одет только в костюм своего племени. Чтобы изменить свою внешность, он раскрасил часть своего лица и в этом обличье прибыл в увеселительное заведение. Когда он вошел в веселый бальный зал, его пышное оперение величественно развевалось, а на поясе сверкал томагавк. Сцена, представшая его взору, была полна жизни и красоты. Мимо мелькали фигуры в масках, одетые во все мыслимые наряды. Вот монах с гладким лицом, круглолицый и веселый; там - служанка-цыганка или пастушка с кроткими глазами и посохом. Одинокие отшельники и эксцентричные шуты, кудахчущие ведьмы и члены группы паломников — все они толпились вместе, смеясь или гримасничая, добавляя свой особый блеск этому блестящему собранию. Мало-помалу по залу прогуливался турок; он был дипломатом высокого ранга, а рядом маячили две нимфы из рая ислама. Внезапно

турок заметил нарисованные черты лица крепкого краснокожего. Он остановился и пристально посмотрел на индейца. Он подумал, что вот он, шанс немного порезвиться. В одно мгновение он утратил свою величественную манеру поведения и шутиливо наклонился к воину. Он потянулся к лицу индейца, думая, что оно закрыто пергаментом. В следующее мгновение он щелкнул по носу великого вождя Шести наций. Поверх сбивающей с толку мешанины звуков прорвались дикие акценты леденящего кровь боевого клича. В тот же миг томагавк Бранта выхватился из-за пояса и закружился над головой изумленного преступника. Никогда еще в залах моды не раздавался такой крик. Лица стали пепельно-бледными, по просторному особняку разнеслись крики. Перепуганные маскарадисты беспорядочно разбежались во все стороны. Мусульманин думал, что настал его последний час на земле. Затем рука Бранта опустилась; его напряженное лицо расслабилось, и он снова превратился в добродушного "Капитана ирокезов". Согласно его собственному заявлению, которое могло быть, а могло и не быть, полной правдой, он намеревался лишь внести игривый вклад в удовольствие вечера. Турок успокоился, и перепуганная компания медленно потекла обратно. Все объяснилось, и Брант стал большим героем, чем когда-либо прежде. И все же вряд ли напыщенный последователь ислама когда-либо забывал ту оживленную сцену, которую разыграла его опрометчивость.

Несмотря на веселый круговорот развлечений, к которым он присоединился, Брант занимался деловыми делами, которые привели его в Англию. Он отправил письмо, касающееся дел Шести наций, лорду Сиднею, государственному секретарю по делам колоний, и произнес речь на ту же тему в присутствии Сиднея. Он рассказал ему о потерях, понесенных индейцами, и выразил надежду, что британское правительство быстро рассчитается с ними. "Когда я упоминаю об этих делах с момента моего прибытия в Англию, - писал Брант, - мне сообщают, что отданы приказы о том, что это будет сделано; что принесет большое облегчение и удовлетворение тем верным индейцам, у которых хватит духа идти дальше, и их сердца [будут] наполнены благодарностью за доброту короля, их отца".

Незадолго до отъезда в Америку Брант получил письмо от лорда Сиднея, в котором говорилось, что король Георг желает, чтобы красные люди свершили правосудие. "Его Величеству, - сказал Сидней, - принимая во внимание ревностные и сердечные усилия его индийских союзников в поддержку его дела и в качестве доказательства его дружеского расположения к ним, было милостиво угодно согласиться с тем, что потери, уже подтвержденные генеральным суперинтендантом, будут возмещены".

ГЛАВА XIII

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ ПЛЕМЕН

Когда Брант снова появился на открытом совете своего народа, он обнаружил, что краснокожие все еще пребывают в раздраженном настроении. Мирный договор в Форт-Стэнвиксе был для них источником постоянного раздражения. Белые поселенцы так смело наступали на их границы, что индейцы почувствовали, что рано или поздно их земли должны ускользнуть из их рук. Англия опасалась начала войны, и индейцы верили, что в таком случае она поможет им. Доказательством этого был способ, которым она держала гарнизоны на западных постах, которые она согласилась сдать. Сейчас признается, что это было сделано из-за того, что Соединенные Штаты не выполнили своих обещаний. Как бы то ни было, ожидалось, что Джозеф Брант в случае военных действий организует сильную лигу коренных рас, которую он планировал сформировать.

В ноябре 1786 года в деревне Гурон на реке Детройт состоялся большой совет индейских племен. На нем присутствовало много людей, и обсуждения были очень серьезными. Обращение, вероятно, написанное Брантом, было отправлено по приказу собравшихся индейцев в Конгресс Соединенных Штатов. Мир был желанным, но представителям Конгресса было необходимо вести переговоры с краснокожими в целом; трудности возникли из-за того, что Соединенные Штаты вступили в переговоры с отдельными племенами - "разжигали костры советов везде, где считали нужным", — даже не снизойдя до консультаций с индейцами в целом; этого, утверждалось в обращении, больше не должно происходить.

В течение следующих нескольких лет главнокомандующий не жалел усилий, чтобы прийти к какому-либо решению проблемы, возникшей из-за позиции Соединенных Штатов. Он прекрасно понимал, что между различными племенами не было достаточно согласованных действий. В его усилиях по их объединению ему помогали и поддерживали во всем, что он делал, английские официальные лица. Но, как ни старался Брант, казалось невозможным достичь того широкого союза между племенами, к которому он стремился. Со всех сторон были разногласия и мелочная зависть. В 1789 году генерал Сен-Клер, действительно, смог заключить два отдельных договора с индейцами, к большому удовольствию правительства в Филадельфии. "Я убежден, - уверенно писал Сент-Клер, - что их всеобщая конфедерация полностью разрушена. На самом деле было бы не так уж трудно, если бы того потребовали обстоятельства, смертельно разлучить их.

Но, хотя они и не желали объединяться, они с завистью и гневом смотрели, как белые люди пересекают реку Огайо. 1790 год застал западные племена охваченными страстью и снова вступившими на тропу войны против Соединенных Штатов. Лидерами восстания были шауни, потаватоми и миами. Экспедиция под командованием генерала Хармара выступила против них, но потерпела поражение с большими потерями. Следующими по вооружению были Шесть наций, которые безжалостно обрушились на поселения у реки Аллегани.

Теперь горизонт потемнел, и казалось, что вот-вот начнется широкомасштабная борьба с индейцами. В то время как британские власти безоговорочно доверяли Джозефу Бранту, исполнительная власть Соединенных Штатов также пыталась завоевать его доверие. Обе стороны ясно осознавали, что будущее красных людей во многом зависит от политики, которую должен принять Брант. Наличие двух великих наций, каждая из которых стремится заручиться чьими-либо услугами, является справедливым свидетельством того, что обладание этими услугами даст любой из наций явное преимущество. Брант не был лишен тщеславия, и на этот раз он был более чем польщен. Но, чтобы отдать справедливость Бранту, следует признать, что все это время он выступал за мир. Он не хотел, чтобы племена безумно вступали в неравную борьбу, когда была очень слабая надежда на успех, и все же он был твердо убежден, что его народ не должен слишком легко склоняться перед алчностью бледнолицых. Река Огайо должна стать разделительной линией между индейскими территориями на западе и территориями республики, и благодаря этому они должны выстоять или пасть.

В конце концов правительство Соединенных Штатов пришло к выводу, что ни Брант, ни племена не захотят принять его условия и что война неизбежна. Он был полон решимости энергично вести борьбу до самых опорных пунктов западных племен. Для этой цели был выбран генерал Сент-Клер, и ему были приданы большие силы для подавления определенных беспорядков, возникших в стране Майами. То, чего боялся главнокомандующий, теперь должно было

произойти. Его топор был тупым и заржавленным, и он отвык от напряжения и опасностей пути войны. Но мог ли он держаться в стороне? "Длинные ножи" двинулись на вигвамы его братьев на западе, и поэтому он еще раз склонил ухо, чтобы услышать зов воина.

Сент-Клер вышел из форта Вашингтон в сентябре 1791 года и направился в направлении деревень Майами, к юго-западу от озера Эри. Продвигаясь вперед, он обнаружил, что его беспокоят банды краснокожих, которые цеплялись за его линию продвижения. Однако к 3 ноября он подошел на расстояние пятнадцати миль от индейских деревень. Когда он разбил свой лагерь, его армия ополченцев и регулярных войск насчитывала в общей сложности около тысячи четырнадцати сотен человек. Индейцы также были довольно многочисленны и находились под руководством Маленькой Черепахи, храброго вождя племени миами. Хотя они принадлежали к разным нациям, их сердца были сплочены опасностью, которая стояла перед ними. В их рядах было сто пятьдесят стойких воинов племени могоавков, а также несколько белых мужчин и полукровок из Канады, которые пришли им на помощь.

Когда началась битва, было видно, что ирокезы выполнили приказ высокого и проворного вождя. Хотя Черепашка был номинальным лидером, следует признать, что главным антагонистом, которого Сент-Клер противопоставил ему в этом сражении, был Джозеф Брант. Отправив своих ополченцев вперед, американский генерал разбил лагерь вместе с регулярными войсками на берегу небольшого ручья, впадавшего в Уобаш. Незадолго до рассвета 4 ноября ополченцы гав были внезапно атакованы отрядом краснокожих. Американцы, находившиеся примерно в четверти мили от основного лагеря, развернулись и в замешательстве бежали. Это было то, чего хотели индейцы. Ополченцы так поспешно отступали к лагерю, что основные силы Сент-Клера были почти сбиты с ног. Был организован митинг, но индейцы бросились вперед со стремительностью и отвагой. Следуя по пятам за убегающими ополченцами, они вскоре оказались на самом краю лагеря. Там они начали расстреливать американских артиллеристов одного за другим.

За короткое время вторгшаяся армия Сент-Клера была окружена со всех сторон, и многие из его офицеров пали. Его люди предпринимали атаку за атакой, но все безрезультатно. Наконец он увидел, что день потерян, и отдал приказ к отступлению, надеясь спасти то, что осталось от его войска. В линии краснокожих было обнаружено слабое место, и остатки гордой армии Сент-Клера вырвались на свободу, бросившись врассыпную к форту Джефферсон, расположенному в тридцати милях отсюда. Земля была густо усеяна их мертвецами. Было подсчитано, что в этом сражении восемьсот человек из отряда Сент-Клера были убиты или ранены.

Эта катастрофа в стране Майами показала Соединенным Штатам, как трудно будет сломить дух красных людей. Война ни к чему не привела, и снова было решено прибегнуть к мольбам. Несколько вождей разных племен были приглашены отправиться в Филадельфию, и среди них был капитан Брант. "Я могу заверить вас, - писал государственный секретарь федерального правительства Бранту 2 февраля 1792 года, - что президент Соединенных Штатов будет в высшей степени удовлетворен приемом и беседой с таким выдающимся руководителем, как вы, по вопросу, столь интересному и важному для человечества". После некоторых уговоров Брант согласился поехать и, проехав верхом через долину Могоавк, прибыл в столицу 20 июня. Там его с радостью приняли, и было приложено все усилия, чтобы завоевать его для Соединенных Штатов. "Мне предложили тысячу гиней задатком, - писал позже военачальник, - и удвоить половинное жалованье и пенсию, которые я получаю от Великобритании, просто при условии,

что я приложу все свои усилия для установления мира. Но это я отверг. Затем американские власти протянули ему еще более заманчивую приманку. Они предоставят ему преимущественные права на землю, оцениваемую в двадцать тысяч фунтов стерлингов, и ежегодное пособие в полторы тысячи долларов. Но Брант упорно отказывался, и причина его отказа была предельно ясна. Как он мог принять такую взятку? "Они могут ожидать от меня, - сказал он, - действий, противоречащих интересам Его Величества и чести наших наций". Однако он пообещал, что убедит Майами прийти к соглашению с Соединенными Штатами и что он обратится к ним с этой целью.

Возвращаясь домой из Филадельфии, он обнаружил, что американец голландского происхождения по имени Дайгерт преследует его с намерением совершить покушение на его жизнь. В Нью-Йорке, разговаривая с несколькими полицейскими в своей квартире на Бродвее, он случайно выглянул наружу и увидел внизу на улице мужчину, пристально смотревшего в окно своей комнаты.

- А вот и Дайгерт! - воскликнул он.

Полковник Уиллет, один из офицеров, спустился вниз и обвинил этого человека в подлом заговоре с целью убийства Бранта.

- Знаете ли вы, - спросил полковник, - что, если вы убьете этого дикаря, вас повесят?

- Кто, - удивленно спросил Дайгерт, - повесит меня за убийство индейца?

Вот увидите, - ответил Уиллет. - Если вы выполните свое намерение, можете быть уверены, что вас немедленно повесят.

С этими словами потенциальный преступник ушел и больше не беспокоил Военного вождя.

По благополучном возвращении в Канаду Брант заболел и не смог присутствовать на большом совете, проходившем осенью в Au Glaize, на Большом Майами. Когда совет собрался, было решено, что военные действия должны быть приостановлены до проведения нового совета в Майами-Рapidс.

Зимой 1792-93 годов Бранта посетил Симко, вице-губернатор Верхней Канады, в его доме на Гранд-Ривер. Этот офицер, недавно назначенный на Ниагару, привез главнокомандующему письмо от своего старого друга лорда Перси, ныне герцога Нортумберлендского, вместе с парой пистолетов, которые герцог прислал ему. Симко направлялся в Детройт на санях и остановился на три дня в деревне могавков. В его честь был зажжен *фейерверк радости*, подняты флаги, и индейцы выставили напоказ свои военные трофеи.

Брант и несколько краснокожих сопровождали вице-губернатора до реки Темзы, где находилась деревня делаваров. Здесь Военачальник был вынужден вернуться. Вскоре после этого его превосходительство снова остановился на Гранд-Ривер на обратном пути. Индейцы развлекали его по-королевски, исполняя танец калумет, танец перьев и несколько других танцев своего племени.

В середине лета 1793 года в Майами-Рapidс состоялось большое собрание индейцев. Комиссарам, посланным представлять Соединенные Штаты, не разрешалось приближаться к месту собрания. Брант произнес три речи, убеждая индейцев в целесообразности заключения

мира. Но красные по-прежнему были упрямы, и комиссарам пришлось уйти, не достигнув с ними никакого взаимопонимания.

Однако конец борьбы приближался быстро. В 1794 году генерал Уэйн выступил маршем в окрестности форта Майами с многочисленным войском, разбил индейцев у Поваленных бревен и гнал их перед собой во всех направлениях. Удрученные и с разбитыми сердцами, они увидели, что день белого человека наконец настал. Брант был их помощником до самого конца, но это мало помогло им. Черный Змей, как они называли генерала Уэйна, победил их, и они знали, что он победит их снова. Племена, пришедшие с дальнего запада, угрюмо отступили за Миссисипи, другие расы подчинились, и 3 августа 1795 года с генералом Уэйном был подписан Гринвиллский мирный договор. Повозка, запряженная волами, загрохотала к северу от Огайо; высокие леса пали под топором поселенца, и краснокожий человек выжил и больше не ходил в одиночестве у "Прекрасной реки".

ГЛАВА XIV

ЗВОНИТ ЦЕРКОВНЫЙ КОЛОКОЛ

Джозеф Брант был доблестным воином; он мудро и хорошо справлялся с делами Шести наций. Но он никогда не забывал, что одна из первых обязанностей любого правителя - быть, в некотором смысле, священником для своего народа. С детства он, похоже, был преданным христианином. Правда, тревога войны на какое-то время отвлекла его внимание только от мирских соображений, но теперь, когда раздоры прекратились, он снова стал другом миссионера и стремился удовлетворить духовные потребности племен, на которые ощущалось его влияние.

Как и у любого индейца, удивительные вещи, которые Брант видел вокруг себя в природе, заворожили его. Для него был Тот, кто сотворил все сущее и кто всегда был готов прокормить Своих детей. Однажды на совете Брант говорил о первобытной свободе индийского народа, а затем воскликнул: "Эта страна была дана нам Великим Духом свыше; мы хотим наслаждаться ею". Далее он рассказал, как индейцы пытались добиться мира, как их усилия потерпели неудачу и как теперь их терпению пришел конец. И все же было одно укрытие, в котором они могли бы укрыться во время шторма. "Поэтому мы веряем себя, - было его последнее высказывание, - под защиту Великого Духа свыше, который, мы надеемся, все устроит к лучшему".

Во время своего второго визита в Англию Брант обратился к Обществу распространения Евангелия за рубежом с просьбой помочь ему в распространении их печатных книг для индейцев. Он охотно согласился, и вскоре было подготовлено новое издание Сборника Молитв и псалмов, он перевел также Евангелие от святого Марка. Сборник молитв и псалмов и его перевод Евангелия от Святого Марка были изданы одной книгой. Публикация этого тома, должно быть, вызвала чувство гордости в груди вождя племени ирокезов. Книга была произведением искусства, хорошо напечатанными украшенными несколькими прекрасными гравюрами. На фронтисписе была изображена внутренняя часть часовни, в которой стояли король и королева с епископом по бокам от них. Монарх и его супруга раздавали священные книги индейцам, которые столпились вокруг в выжидательной позе.

Несколько лет спустя Брант перевел на язык ирокезов "Литургию англиканской церкви", а также учебник по доктрине. Копии этих документов были отправлены в Гарвардский университет, и его корпорация ответила искренней благодарностью главнокомандующему за его подарок. Брант также планировал написать всеобъемлющую историю Шести наций, но, к сожалению, эта работа, похоже, так и не была начата.

Едва могавки обосновались в Гранд-Ривер, как они начали чувствовать, что у них должно быть церковное здание для богослужений. Были собраны средства, и уже в 1785 году они закладывали фундамент подходящего здания. Это здание, выросшее в глубине леса примерно в двух милях от центра нынешнего города Брантфорд, обычно называлось "Старая церковь ирокезов". В 1904 году по ходатайству к королю ей было присвоено название "Часовня ирокезов Его Величества". Так было восстановлено название церкви, в которой индейцы обычно совершали богослужения в долине Ирокезов. С его квадратной башней, причудливым стройным шпилем и могилами ушедших поколений краснокожих, которые поклонялись в нем, собравшимися у его стен, это почтенное напоминание о прошлом. Библия, которая впервые была использована в "Старой церкви ирокезов", была подарком королевы Анны соплеменникам в 1712 году и была привезена в Гранд-Ривер из их бывшего дома на Ирокезах. Серебряная тарелка для причастия была частью сервиза, который также был подарен им той же королевой перед их приездом в Канаду. Она была из полированного серебра с королевским гербом. Оставшиеся части этого набора были переданы индейцам, поселившимся в районе Бэй-оф-Квинте. В 1786 году в церковь был отправлен большой и мелодичный колокол. Это была презентация британского правительства, и на ней был оттиснут герб Ганноверского царствующего дома.

Во всем обширном регионе, позже известном как провинция Верхняя Канада, до сих пор ни одно другое протестантское святилище не открыло свои двери для верующих христиан. С возведения этого храма ирокезов начинается история протестантских церквей в одном из самых красивых уголков Доминиона Канада. Это был приятный и торжественный звон колокола, который возвещал свое послание, когда в те субботы в дни пионерии проводилась служба. В безлюдье он звенел, будя тишину, эхом отдаваясь на вершинах холмов и пульсируя вниз, в далекую долину. Вверх и вдоль реки разнеслась радостная мелодия, первый призыв к молитве, когда-либо услышанный в этой почти не нарушенной дикой местности. Из-за деревьев появились изгнанники из Длинного Дома. Они смешались вместе; они вошли во дворы Великого Духа, безмолвные и полные благоговения. Там они выслушали Евангельскую историю и разразились множеством радостных песен благодарения и любви.

Брант очень хотел заполучить миссионера, который отвечал бы вкусам всех. Он пытался нанять постоянного миссионера в лице своего друга Дэвенпорта Фелпса, но епископ Квебека отказал Фелпсу в рукоположении; и только в 1822 году, когда Компания Новой Англии взяла на себя миссионерскую работу в заповеднике могавков, у индейцев Гранд-Ривер появился постоянный пастор. Брант также добился от генерала Холдиманда обещания построить школу для обучения индийских детей и мукомольню для помола зерна.

Брант также глубоко интересовался местными развлечениями жителей Длинного Дома. Похоже, в последние годы своей жизни он сохранил мальчишеское сердце и с удовольствием наблюдал за спортом и забавами индийской молодежи. Час за часом он сидел как почетный зритель, наблюдая, как они играют в упорный лакросс, требующий быстроты движений и прямооты

конечностей. Очевидец, сидевший вместе с Брантом на одной из таких игр, рассказал о волнении, которое вызвал матч. По этому случаю большая компания сенека проделала долгий путь из штата Нью-Йорк, чтобы посоревноваться в мастерстве со своими сородичами, могавами. Соревнование длилось три дня, прежде чем "Сенека" наконец выиграли ценные ставки, которые были предложены в качестве приза.

Поле, расчищенное для игры, было довольно обширным, ворота располагались примерно в пятистах футах друг от друга. В каждой команде было по шестьдесят человек. Когда кто-либо выбывал из любой партии, предполагалось, что его место займет другой, и поэтому энергия участников не ослабевала. Сетчатые ракетки, используемые в игре в лакросс, были трех с половиной футов в длину, прямые у рукоятки, но изогнутые на другом конце. Широкая часть, используемая для броска или переноски мяча, была сделана из ремешков из оленьей кожи, переплетенных и туго натянутых. Это было живописное зрелище, когда команды соперников были готовы начать игру. Ожившие воины были обнажены, за исключением набедренных повязок, доходящих до колен. Когда все было готово, в центр поля, спотыкаясь, вышла индийская девушка. Она была красиво одета по обычаю своего племени, носила серебряные браслеты и красную тиару, украшенную орлиными перьями. Передав мяч игрокам, она поспешила покинуть игровое поле. Затем два эксперта из соперничающих команд зажали мяч между своими ракетками и попытались сделать первый успешный бросок. Теперь началась великая игра, и каждый раз, когда мяч пролетал мимо ворот, засчитывался один счет. Счетоводы, избранные из старших сахемов племен, были наделены особыми полномочиями. Если одна команда подводила гораздо меньшие итоги, чем ее соперник, они могли уменьшить счет соперника (однако без ведома игроков), чтобы соревнование могло затянуться. Игры такого энергичного характера сделали спортсменов Шести стран известными как в Канаде, так и в Соединенных Штатах вплоть до наших дней.

ГЛАВА XV

СОСНА ШАТАЕТСЯ

Вскоре случилось так, что индейцы пожелали распорядиться частью предоставленной им земли на Гранд-Ривер. Лоялисты Объединенной империи и другие, привлеченные перспективой дешевой земли, продолжали перебираться в Канаду из Соединенных Штатов; население района Великих озер присоединилось к иммиграции с Британских островов, и страна делала большие шаги вперед. Разрозненные поселенцы и спекулянты часто стремились приобрести землю в более богатых районах, когда они могли получить ее по низкой цене. Однако случилось так, что после того, как краснокожие продали и сдали в аренду таким лицам часть своей территории, провинциальное правительство начало вмешиваться. Земля, говорилось в нем, принадлежала индейцам только до тех пор, пока они оставались на ней. Поэтому они не могли продать ничего из этого, поскольку у них не было прямого права собственности на землю.

Это решение пролило новый свет на права собственности Шести наций в Канаде, и индейцы были крайне озадачены. Все это время они думали, что удерживают свои земли, как и другие поселенцы, доказавшие свою лояльность. Брант энергично взялся за их дело, произнес несколько умелых речей от их имени и свободно переписывался по этому поводу с властями провинции. В 1793 году губернатор Симко издал новое заявление о предоставлении гранта, но это не положило конец спору. Провинция по-прежнему претендовала на преимущественное

право в отношении всего своего заповедника. Позже этот вопрос был передан в Англию, и британское правительство склонялось к тому, чтобы поддержать претензии индейцев. Но ничего не было сделано из-за разногласий между самими краснокожими. Действительно, только после смерти Бранта это дело было окончательно улажено. Затем была разрешена продажа больших участков индейской земли, и полученные деньги были надежно вложены в пользу ирокезов и других шести народов Канады. В связи с этим сложным вопросом Брант намеревался совершить поездку в Англию, но был вынужден отказаться от этой идеи.

В последние годы своей жизни Брант посетил разные уголки Америки и дважды добирался до побережья Атлантического океана. В таких случаях у него была возможность поговорить о старых кампаниях с офицерами, которые сражались против него на войне, и он радовал своих слушателей волнующими историями о своем боевом опыте. Однажды, когда он был в Филадельфии, его роскошно принимал полковник Аарон Берр. В его честь был устроен званый обед, и среди гостей были Талейран и Волни. В начале вечера Военный вождь был довольно неразговорчив, и другие гости были несколько разочарованы. Но это было лишь мимолетное настроение, от которого Брант вскоре избавился. Вступив в разговор, он вскоре оказался в центре внимания.

Хотя последние годы жизни капитану Бранту удалось провести сравнительно непринужденно, его жизнь была омрачена двумя неприятными событиями. Его старший сын, Исаак, был негодяем, на которого отец не имел большого влияния. Исаак был виновен в актах насилия и начал угрожать самому Джозефу Бранту. Он ревновал Кэтрин Брант к многочисленным детям и пользовался случаем, чтобы наносить ей различные оскорбления. В 1795 году отец и сын находились на Берлингтон-Хайтс, в то время как индейцы получали припасы от правительства провинции. Исаак, обезумевший от выпивки, попытался напасть на своего отца в одной из нижних комнат гостиницы, но его удержали несколько его юных товарищей.

Капитан Брант выхватил кинжал, который он обычно носил с собой, и в пылу момента нанес легкую рану на руке Исаака. Порез был несерьезным, но Айзек не позволил должным образом обработать его и впоследствии умер от приступа мозговой лихорадки. Военачальник был глубоко опечален результатом своего поспешного поступка и переживал из-за этого до конца своих дней. Говорят, что он повесил кинжал в своей комнате и часто плакал, глядя на него. Другим источником неприятностей для Бранта было восстание против его правления небольшого меньшинства среди племен. Это движение возглавили старый противник Бранта, Красная Куртка, и другой вождь, брат Фермера. В 1803 году диссиденты провели совет в Буффало-Крик, и Джозеф Брант был официально свергнут с поста главы конфедерации шести наций. Но поскольку это совещание не было созвано законным образом, его решения не имели юридической силы среди стран. В следующем году на другом совете, собранном на законных основаниях, представители племени открыто заявили о своей уверенности в правлении Военного вождя.

Из-за многочисленных заслуг Бранта перед короной британское правительство выделило ему прекрасный участок земли на северо-западном берегу озера Онтарио, недалеко от входа в залив Берлингтон. В своем поместье, известном как Веллингтон-сквер, он построил большой двухэтажный дом, в котором мог бы провести оставшиеся годы своей жизни. Несколько чернокожих рабов, которых он захватил в плен на войне, были его слугами и оказывали ему всяческое внимание. Говорят, что Брант подверг этих негров жесткой дисциплине и был более

или менее надсмотрщиком в своем обращении с ними. На склоне лет он имел обыкновение любоваться водами озера Онтарио, вспоминая страну, простиравшуюся от южного берега, где когда-то он боролся, и долину Мохок, где когда-то стояли жилища его народа.

Но гигантская сосна в лесу теперь начинала сгибаться. Высокая и прямая, она превзошла все остальные деревья в лесу. Люди знали, что эта сосна шатается. Осенью 1807 года капитан Шести наций был во власти серьезной болезни. Друзья и соседи приходили, чтобы принести утешение, ибо он был широко почитаем. Измученный болью, но безропотный, он провел несколько томительных часов жизни, которые ему остались. 24 ноября 1807 года долгий путь подошел к концу. Рядом с кроватью Бранта. Джон Нортон, [Примечание: Нортон был шотландцем, который, приехав в Канаду в раннем возрасте, поселился среди ирокезов и получил среди них звание вождя. Он сыграл важную роль в войне 1812 года.] Вождь своего племени наклонился, чтобы уловить последнее запинающееся слово.

"Сжальтесь над бедными индейцами, - прошептал умирающий военачальник. - если вы можете оказать хоть какое-то влияние на великих, постарайтесь сделать им все возможное добро".

Тело капитана Бранта было доставлено в Гранд-Ривер и похоронено у стен церкви, которую он помогал возводить. В центре оживленного города Брантфорд, чье название, как и название графства, носит его имя, стоит красивый памятник, живописный и массивный, его достоинству и доблести; в сердцах народа Канады он почитается как верноподданный, человек благородных поступков и бесстрашный герой. Редко в летописях Канады мы находим столь многогранного персонажа, как капитан "ирокезов". Он был дитя природы, и она наделила его многими дарами — крепким и выносливым телосложением, приятными и привлекательными манерами и красноречивым языком. Именно эти природные способности придавали ему стойкость в конфликте, превосходство в совете и вызывали восхищение современников.

Образование, которое получил Брант, было скудным, но вряд ли он мог бы лучше использовать имеющиеся у него знания. После того как он был освобожден от тяжелой лагерной жизни, он снова начал удовлетворять свои желания заниматься самокультурой. Его переписка к концу его жизни заметно улучшилась по стилю по сравнению с перепиской более ранних лет. Нет недостатка в убедительных доказательствах того, что Брант обладал проницательным и уравновешенным интеллектом; но его главная слава - это постоянные усилия, которые он прилагал для морального и религиозного возвышения своего народа.

Относительно способностей Бранта как военачальника по-прежнему будут существовать разногласия. Нельзя отрицать, что он обладал хитростью своей расы в превосходной степени и что он использовал это, чтобы сбить с толку своих противников на поле боя. Некоторые пойдут дальше и будут утверждать, что он обладал замечательным гением в искусстве стратегии. Какими бы полномочиями он ни обладал, он с детства использовал их в интересах британского правления в Америке, и услуги, оказанные этим последним великим лидером Шести наций в Революционной войне, были не в последнюю очередь тем влиянием, которое позволило Великобритании сохранить плацдарм на североамериканском континенте. Джозеф Брант во время Революционной войны и его потомки во время войны 1812 года сыграли важную роль в прочном обосновании британских институтов и британского правления в Канаде.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Основным источником материалов о Джозефе Бранте является *"Жизнь Джозефа Бранта" Уильяма Л. Стоуна* (Тайенданегея), 2 тома (1838). Это включает в себя отчет о пограничных войнах Американской революции и очерки индийских кампаний генералов Хармара, Сент-Клера и Уэйна. Краткая биография, озаглавленная *Мемуары капитана Джозефа Бранта*, "составленные по подлинным записям", была анонимно опубликована в Брантфорде в 1872 году. *История округа Брант* (1883), часть II, страницы 85-149, посвящена почти исключительно Бранту и его семье. В *Биографии Сэмюэля Г. Дрейка и истории индейцев Северной Америки с момента ее первого открытия* есть одна глава (стр. 577-93), посвященная исключительно Бранту. Глава в той же работе, посвященная Красной куртке, также будет интересна исследователям карьеры Бранта. *"Жизнь и времена сэра Уильяма Джонсона" Уильяма Л. Стоуна-младшего*, 2 тома. (1865), содержит много ценной информации о событиях, которые сформировали раннюю карьеру Бранта. Б. Б. Тэтчер в своей *Биографии индейца*, 2 тома. отвергает Бранта с несимпатичным и предвзятым абзацем, но несколько его глав, особенно та, которая посвящена Красной куртке, проливают много света на борьбу, в которой принимал участие Брант.

Другими работами, которые содержат много материала, относящегося к Джозефу Бранту, являются *"Семья Брантов" миссис Холден*; *"Рассказ Элеазара Уилока об оригинальном дизайне, возникновении, прогрессе и нынешнем состоянии индийской благотворительной школы в Ливане, штат Коннектикут"* (1763); *"Войны индейцев в Соединенных Штатах" Уильяма В. Мура*; *"Сэр Фредерик Холдиманд" Джин Н. Макилрайт* и *"Лорд Дорчестер" А. Г. Брэдли* из серии *"Создатели Канады"*; *"Лига Хо-де-но-сау" Льюиса Х. Моргана*....."-урожденный, или ирокез; Книга Э. М. Чедвика *"Люди Длинного дома"*; *Документы, относящиеся к конституционной истории Канады, 1759-1791 гг.*, отобранные и отредактированные Адамом Шортом и Артуром Г. Даути; *Документы Холдиманда*, январь 1779 - март 1783 гг., копии которых находятся в архивах Доминиона; *Справочник канадских индейцев*, отредактированный Джеймсом Уайтом, F.R.G.S.

Смотрите также в этой серии: *На заре канадской истории*; *Отец Британской Канады*; *Военный вождь Оттавы*; *Текумсе*.

КОНЕЦ